

В поисках самобытности: опыт К.Н. Леонтьева

{ Часть вторая }

Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 782 с.: ил.

Часть I. Гептастилизм

*Из Главы первой. «Высокая публицистика»
(с. 21–35, 44–52)*

*Из Главы второй. Гептастилизм, учение о новой восточной культуре
(с. 53–85)*

*Из Приложения. Новообретенные тексты Леонтьева
(с. 114–116, 120–123, 133–134)*

{ Оглавление }

Часть первая. Гептастилизм

- Глава первая. «Высокая публицистика»
- Глава вторая. Гептастилизм, учение о новой восточной культуре
- Глава третья. «Эстетический мятеж против обмещанившегося века»
- Приложение. Новообретенные тексты Леонтьева

Часть вторая. Константин Леонтьев и его современники, собеседники и совопросники

- Глава первая. О том, чего нет в этом разделе
- Глава вторая. Иван Аксаков и «фанатик-фанариот»: Реконструкция спора
- Глава третья. Из московских встреч: Леонтьев и Н.П. Гиляров-Платонов
- Глава четвертая. Единомысленное братство: Леонтьев и Третий Филиппов
- Глава пятая. Нескончаемый спор: Леонтьев и Достоевский
- Глава шестая. «...С Львом Толстым я не тягаюсь и не равняюсь»
- Глава седьмая. Катков, Победоносцев, Мещерский
- Глава восьмая. Литературные знакомства 1870-х – 1880-х годов
- Глава девятая. «...Человек, который во всех отношениях выше меня
- Глава десятая. «Православный мирянин» Николай Дурново
- Глава одиннадцатая. «Бедный рыцарь» славянофильства: Сергей Шарапов
- Глава двенадцатая. Поздние обретения: Ю.Н. Говоруха-Отрок, Л.А. Тихомиров, В.В. Розанов

Часть третья. Школа? Кружок? «Тайное общество»?

- Глава первая. «Иезуитский орден» Константина Леонтьева и его «новиции»
- Глава вторая. «Дитя души»: Ваничка Кристи
- Глава третья. «Милый поэт»: Анатолий Александров
- Глава четвертая. «Благородный юноша» в «не по чину барственной шубе»: Григорий Замараев
- Глава пятая. «Хитрый Дениска» и «унывающий россиянин» Николай Уманов
- Глава шестая. «Совершенно светские молодые люди»
- Глава седьмая. «Германский дух на православной почве»: отец Иосиф Фудель
- Глава восьмая. «Обращенный нигилист»: Федор Чуфрин
- Глава девятая. «Поехал искать человека и нашел фонарь...»: История одного путешествия
- Глава десятая. «...„Нашего полка“ все понемножку прибывает...»: Евгений Погожев и Иосиф Колышко
- Глава одиннадцатая. В благословенной Оптиной
- Глава двенадцатая. ...И в пределах преподобного Сергия

Заключение. Сочувствие, содействие и «посмертный» прозелитизм

Часть I. Гептастилизм

Из Главы первой. «Высокая публицистика»

Созидатель будущего

И.С. Тургенев в 1876 г. советовал Леонтьеву предаться этнографии, поскольку у него нет беллетристического дара¹, а Н.Н. Страхов, напротив, за шесть лет до того объявил будущего автора «Записок отшельника» неспособным к серьезной публицистике («...едва ли <...> когда-нибудь напишете статью достаточно твердую и сложную, чтобы она произвела на читателя впечатление») и заключил советом: «Все мне кажется – с Вашим талантом, с Вашими богатыми и высокого достоинства средствами – я бы писал великолепные повести и романы»². Леонтьев же шел своим путем, продолжая оставаться и публицистом, и прозаиком, и литературным критиком.

Его первые, несохранившиеся литературные опыты 1850–1852 гг. – это комедия, поэма, написанная «плохими гекзаметрами», и незавершенный роман. За ними последовали повести и рассказы в духе натуральной школы, которых позднее сам автор стыдился и просил не переиздавать (современный читатель не поймет такой строгости в отношении по крайней мере двух ранних произведений: «Сутки в ауле Биюк-Дорте» и «Второй брак»), два романа – лирический, опередивший свое время на полвека, а то и больше («Подлипки»), и социально-философский («В своем краю»), первые критические опыты (1861–1863) и повесть «Исповедь мужа», опубликованная в 1867 г. под названием одной из своих ранних редакций («Ай-Бурун»). Печатался тогда Леонтьев главным образом в «Отечественных записках». Из произведений этих лет утрачены незавершен-

¹ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М., 1966. Т. 11. С. 258.

² Цит. по: 7(2), 558. [Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. / Подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб., 2000 – (изд. продолжается). К моменту выхода книги О.Л. Фетисенко вышло восемь томов в одиннадцати книгах. Далее ссылки на это издание даются в тексте. В скобках указывается том (при необходимости – книга) и страница. Ссылки на собрание сочинений, подготовленное прот. И. Фуделем (Леонтьев К.Н. Собр. соч.: В 9 т. М., 1912; СПб., 1914), также даются в скобках, том указан римской цифрой.] Всегдашние замечания Страхова: «неопределенность и отрывочность» (7(2), 558), «беспорядок изумительный» (7(2), 578; об «Афонских письмах»). В рецензии 1876 г. на «Византизм и Славянство»: «Замечания иногда беглы и не вполне точны...»; «Некоторая беспорядочность изложения...» (цит. по: 7(2), 676). Ср.: П.Е. Астафьев находил у Леонтьева «парадоксы, недоумения, недомолвки, самопротиворечия и ненужные резкости» (цит. по: 7(2), 679).

ный экспериментальный роман «Война и юг» и начатая в 1857 г. эпопея «Река времен» (пять уже готовых романов Леонтьев сжег в 1871 г.), а также несколько статей, пропавших в редакциях журнала «Время» и газеты «День».

В 1867–1868 гг. написаны корреспонденции в «Одесский вестник» «С Дуная», начата статья «Грамотность и народность». С публикации «Очерков Крита» (1867) начинается многолетнее сотрудничество Леонтьева в «Русском вестнике»¹, оборвавшееся в начале 1880-х гг. Сотрудничество с почвеннической «Зарей» было прервано, поскольку в этой редакции были отвергнуты две его статьи, а статья о грамотности пролежала до публикации в конце 1870 г. больше года. Свои статьи до 1873 г. Леонтьев вообще впоследствии не признавал «серьезными»², отсчет вел от статей, которые называл «политическими»³, то есть от «писем» о панславизме, опубликованных в катковском журнале в 1873 г.⁴

В годы дипломатической службы Леонтьев не только составлял текущие донесения в константинопольское посольство и Азиатский департамент, но и отредактировал несколько статистических обзоров и написал ряд проектов («Записка о необходимости литературного влияния во Фракии», «Записка об Афонской горе и об отношениях ее к России», 1865 и 1871–1872 гг. соответственно). Даже конным переездом из одного места службы в другое он воспользовался как поводом для развернутой записки, также имевшей прикладное значение, почему и оцененной в департаменте⁵.

«Проективно» Леонтьев мыслил еще с молодых лет. Первым его проектом, скромно подписанным «лекарь Леонтьев», оставшимся погребенным во входящих бумагах Министерства народного просвещения и впервые опубликованным только в 2006 г. (7(2), 286–324), был подробно обоснованный план устройства «учебницы естествоведения в Крыму» (1857–1859)⁶. Основная задача этого труда такова: представить Крымский полуостров как уникальное место для создания учебного заведения нового типа – или самостоятельного, или в виде факультета Одесского университета (о его предполагаемом учреждении тогда было заявлено, но открылся Новороссийский университет лишь в 1865 г.). Наиболее интересный раздел записки посвящен антропологии. Характеризуя Крым как страну «по преимуществу антропологическую» (7(2), 278), Леонтьев показал себя человеком, следящим за «последним словом» современной науки. Он – читатель Карла Бэра – подчеркивал, что ни в одном университете нет кафедры антропологии, тогда как именно этой науке, понимаемой широко (в нее Леонтьев включал анатомию, физиологию, этнографию, «рациональную психологию»), принадлежит будущее, именно она осуществит предсказанное Т.Н. Грановским в статье «Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году» слияние гуманитарных и естественных наук. «Антропология <...>

¹ В 1876 г. выходит изданный М.Н. Катковым трехтомник его повестей и рассказов «Из жизни христиан в Турции». Все собранные в нем произведения, за исключением рассказа «Хамид и Маноли», впервые были опубликованы именно в «Русском вестнике» и «Московских ведомостях» (в последних – рассказ «Капитан Илия»).

² Литературные изгнанники. С. 332 (письмо к В.В. Розанову от 8 мая 1891 г.). В записке «Хронология моей жизни» ранние статьи вовсе не упомянуты.

³ Там же. С. 352.

⁴ Панславизм и греки // Русский вестник (РВ). 1873. Т. 103, № 2. С. 904–934; Панславизм на Афоне // Там же. Т. 104, № 4. С. 650–702.

⁵ «Записка о путешествии надворного советника Леонтьева от Янины через Фессалию до Салоник» (1871).

⁶ См. подробнее: *Фетисенко О.Л.* Крымский проект Константина Леонтьева // Крымский текст в русской культуре: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. СПб., 2008. С. 146–157.

должна стоять на рубеже наук духовных и естественных. <...>...не ей ли быть звеном всех факультетов? – Если на факультете естествоведения ей следует дать одно из первых мест, как науке, одухотворяющей посредством эстетического символа фатализм праха, – то разве излишня она врачу, юристу и филологу?» (7(2), 307–308). «Время не ждет <...> антропологии надобно спешить», – восклицал Леонтьев в черновой редакции проекта (7(2), 278).

В своей «записке» Леонтьев не проектировал собственно технические подробности устройства «учебницы», а дал лишь обоснование выбора места для нее, опираясь на данные разнообразных наук – от геологии и палеонтологии до этнографии. В тексте есть все приметы научного стиля: четкая рубрикация, ссылки на труды отечественных и зарубежных ученых, множество статистических сведений и таблиц с латинской номенклатурой; но есть и характерная для нашего автора примета – он не боится присутствия в научной работе поэтического начала¹. Это останется характерным и для позднейших, прежде всего этнопсихологических и социологических, штудий Леонтьева.

После июня 1869 г. из-за проволочек в журнале «Заря» у Леонтьева наступил долгий перерыв в работе. Было ощущение, что некуда, не для кого писать. Попытка обратиться в новый московский журнал «Беседа» в 1871 г. тоже потерпела неудачу. Прорыв произошел после «обращения». Осенью 1871 г. по пути на Афон (это была вторая, более длительная поездка после первой, июльской) и на самой Святой Горе были начаты произведения, составившие, собственно, имя и славу Леонтьева: «Византизм и Славянство» и отпочковавшаяся от него книга, над которой он работал потом до 1889 г., но так и не завершил, – «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». На Афоне же создаются и первые опыты «духовной прозы» Леонтьева («Афонские письма», первая редакция которых, к сожалению, утрачена, вторая опубликована посмертно под другим названием). В Константинополе зимой 1872–1873 гг. начат роман «Одиссей Полихрониадес». После возвращения в Россию он не оставляет беллетристики (о которой всегда подчеркнуто заявляет, что занимается ею для денег², но ценители – а среди них о. Павел Флоренский, В.В. Розанов, С.Н. Дурылин и многие другие – увидят в его художественных произведениях сокровища русской прозы в ее пушкинской ветви), завершает и издает трактат о византизме, пишет новые работы. В 1885–1886 гг. вышло тщательно подготовленное автором двухтомное издание статей «Восток, Россия и Славянство».

Розанов в 1900 г. писал о том, что публицистика – самое естественное выражение времени и поэтому в последнюю четверть XIX в. заняла «королевское место в литературе», поставив «в подчиненное к себе отношение решительно все остальные виды литературы»³. В случае Леонтьева это было именно так.

Публицист обращается «вообще к читателю», желая убедить как можно большее количество людей. В этом нет особых различий между консервативным и либеральным направлением. Леонтьеву всегда желателен персонифици-

¹ См., например, описание прилета птиц на Сиваш (7(2), 305–306). Художественное начало в статьях Леонтьева подмечали иногда и рецензенты (см.: *Марков Е.Л.* Литературная летопись // *Голос*. 1878. 6 апреля. № 96. С. 2).

² Особенно много упреков досталось от автора (за отвлечение от философских и публицистических трудов) роману «Египетский голубь», печатавшемуся у Каткова в покрытие давнего долга редакции. Сейчас это незавершенное произведение – признанный шедевр русской прозы. См., например: *Иванов Вяч. Вс.* Повести Константина Леонтьева о православных на юго-востоке Европы и борьба с европейским неогуманизмом // *Иванов В.В.* Избранные труды по семиотике и истории культуры: В 3 т. М., 2000. Т 2: Статьи о русской литературе. С. 110–119.

³ *Розанов В.* Умственные течения в России за 25 лет // *Новое время* (НВр.). 1900. 21 марта. № 8644. С. 2; то же: *Розанов В.В.* Юдаизм. СПб., 2009. С. 398 (Собр. соч. Т. 27).

рованный адресат, а не абстрактный «читатель», поэтому он так часто избирал форму письма (письмо в редакцию, циклы статей, названных «письмами» и часто имеющих указанного в заглавии или подзаголовке адресата). Как выяснилось, с писем к конкретному лицу начиналась даже теоретическая книга («Византизм и Славянство»). С эпистолярной формы начинался в 1850-х гг. первый набросок к роману «Подлипки».

Публицистику Леонтьев предпочел художественному творчеству потому, что полагал этот путь более действенным для достижения своей самой заветной цели – «направить всю жизнь на путь большей красоты и выразительности»¹. Так объяснял это о. Иосиф Фудель, увидевший именно здесь корень «трагизма» леонтьевской биографии: публицист должен *иметь влияние*, а слово Леонтьева оказалось тогда «мало влиятельно»². Под влиянием, конечно, подразумевается не слава и не завоеванное право корректировать сиюминутную политику³, а возможность, сказав «свое слово», быть услышанным, необходимая как первооснова для дальнейшего – прокладывания новых «путей жизни». В таком контексте яснее становятся вечная тоска по отзыву, *пониманию*, которых в «литературной судьбе» Леонтьева было так мало⁴, его постоянные жалобы на «*fatum*». В них не только по-человечески оправданные обида и боль, но еще и что-то вроде горечи от неудавшегося эксперимента, где одной из причин неудачи была всего лишь невозможность *проверки* его правильности⁵.

Что сам Леонтьев считал своими главными достижениями? Узнать это легко, поскольку дважды обстоятельства сложились так, что ему пришлось быть «аржаной кашей», которая сама себя хвалит⁶. В имеющихся литературных автопортретах – «Для биографии К.Н. Леонтьева» (1879) и «Список сочинений К. Леонтьева с характеристикой» (1887) – оценки почти не отличаются. Приоритет остается за книгой «Византизм и Славянство», где предложено «почти математическое средство для определения возраста и падения Государств» (6(2), 10). Отмечены статьи, предупреждающие об опасностях панславизма, и «опыт национальной психологии» («Русские, греки и юго-славяне»). И то и другое не оставляет «никаких иллюзий насчет „братьев-славян“» (6(2), 24). Выделены такие достоинства, как «*дальновидность определений*» (6(2), 11), «ясно изложенные взгляды на нашу текущую политику», «совершенно новый и смелый взгляд на историю Государств и обществ» (6(2) 24), «религиозное чувство», которое «просвечивает везде» (6(2), 26). Все это качества, о которых Леонтьев редко

¹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1046. Л. 53–53 об.

² Там же. Л. 53 об. Это лишь одна из сторон. Как неоднократно писал тот же о. Иосиф, «истинный трагизм» жизни Леонтьева – в его предсмертном разочаровании в осуществимости собственного идеала («культурного призвания России»).

³ Хотя, несомненно, Леонтьев желал бы, чтобы его слово слышали «люди власти и влияния» (8(1), 524; 8(2), 99), люди «*силы*» (7(2), 65).

⁴ Ученик Леонтьева называет литературную, да, вероятно, и житейскую его судьбу «жалкой до ужаса»: «...он жил в жутком одиночестве. Его немногие читали, очень немногие слышали о нем, и совсем немногие знали его подлинным, каким он действительно *был*, а не казался» (Преемство от отцов: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания / Сост., вступ. ст., подготовка текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 416). Ср.: «...Я уже давно почти что только сам себе критик, и порицатель, и одобритель... *Я никогда не знаю даже приблизительной ценности моих трудов*» (Там же. С. 211; письмо к о. Иосифу Фуделю от 23 мая 1890 г.).

⁵ «*Цепенеет* мысль, и начинаешь сомневаться в самых основаниях своей деятельности...» – писал Леонтьев о своем состоянии, когда не слышал «никакого даже частного словесного мнения» (Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова. Сост. О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 513; письмо к Т.И. Филиппову от 4 октября 1888 г.).

⁶ Ср.: 6(2), 635.

мог прочесть в рецензиях на свои книги. Там все больше говорилось о его «оригинальности» и «парадоксальности».

Был и еще один случай автопортретирования: когда Леонтьев редактировал и дополнял сделанный одним из его молодых друзей, А.А. Александровым, перевод статьи А. Портье д'Арка (Чернова) из «Nouvelle Revue» (1889), а потом и статью «по поводу» созданного французом литературного портрета, которая была опубликована только в 1892 г.¹ Леонтьев был не просто консультантом, но почти соавтором Александрова, поэтому мы смело можем отнести к приведенному ниже фрагменту как к проверенному и одобренному философом суммарному изложению его роли в русской культуре.

«1) В области политической: а) Определение характера юго-славян, б) Протест и предостережение против либерального панславизма, в) Идеал нашей восточной политики. <...>

2) В области истории и философии или, иными словами, в области философии истории: а) требование новой культуры, б) указание, где должно искать для нее начал, в) разъяснение противоположности идей развития и прогресса, г) указание триединого процесса, д) открытие закона смещения или вторичного смесительного упрощения, е) теория долговечности государств.

<...> Он требует от России, главной представительницы православного Востока, создания новой культуры, имеющей прийти на смену отживающей романо-германской, и верит, что она ее создаст. <...> <Начала византизма>, значительно уже усвоенные нами, остается только развить и довести до пышного своеобразного цвета. <...>

3) В области религии: а) указание и разъяснение важности и необходимости страха Божия, б) о том, что христианство всеобщего благоденствия на земле не обещало; в) общий взгляд на истинное христианство. <...>

4) В области общественной: требование большей сословности. <...> Это находится у него в тесной связи, во-первых, с религией, а во-вторых, конечно, и с общей теорией его единства в разнообразии. <...>

5) В области литературы: требование чистоты языка и эстетическое возмущение некоторыми современными литературными оборотами и приемами.²

К этому перечислению можно прибавить еще по крайней мере один немаловажный пункт: Леонтьев предвосхитил появление или пути развития ряда современных гуманитарных дисциплин и отраслей знания. Например, он указал, что психология, социология («столь незрелая еще социология» – 7(1), 441), эстетика приблизятся к точным наукам³, и это произойдет так же естественно, как естественно, само собой совершается приложение идей «реальных» (естественных) наук к исторической, психической жизни «людей и обществ»⁴. Он надеялся, что именно русские дадут «более противу прежнего сознательную постановку будущей социологии» (8(1), 410), и предвидел появление науки «соци-

¹ См. с. 546 представляемого издания.

² Александров А. К.Н. Леонтьев (по поводу статьи о нем в «la Nouvelle Revue») // РВ. 1892. № 4. С. 275–284. Для иллюстрации к последнему пункту приведу один пример. Леонтьев был против ненужных заимствований. В газетном варианте одной своей статьи он употребляет слово «садик» и тут же поясняет: «...и я знаю, что есть слово сквер, но нахожу его совершенно излишним» (7(2), 475). В другой раз он писал: «...я очень боюсь напоминать языком даже моим паяцов и хлыщей Петербургской демагогии» (7(2), 442).

³ Ср.: «...история <...> как естественная, реальная наука» (7(2), 238). «И социологические, и психологические, столь тесно связанные с ними истины могут стать, я полагаю, столь же точными, как и физические» (8(1), 410). Об эстетике он еще в 1861 г. писал: «Нет сомнения, и эстетика будет со временем довольно точною наукой; но для этого она должна исходить из антропологического начала...» (VIII, 25).

⁴ Ср.: 7(1), 373.

альная психология» (8(1), 500). В его текстах встречаются новаторские термины, о чем я еще скажу дальше. Часто это были термины естественных наук, ранее не применявшиеся в гуманитарной сфере.

Газетно-журнальная работа «на злобу дня» никогда не была особенно интересна Леонтьеву, хотя он попробовал себя и в ней. (Причем к такой работе он относил и статьи о панславизме¹.) Он – «не публицист „дипломатических“ фраз в угоду завтрашнему дню» (8(1), 617). Скорее Леонтьева можно назвать политическим мыслителем. У него встречается понятие «высокая публицистика», приближающее публицистику не к литературе, а к науке². Публицистика «высокая» противостоит «газетной», которая «думает о целях, но не об истине» (7(1), 123). Журналист видит только одну сторону (текущие проблемы), «одна же сторона никогда не исчерпывает предмета» (Там же). «...Не надо судить завтрашний день *по-вчерашнему*...» – говорит Леонтьев (8(1), 126), а именно так судят живущие «вчерашней *остылой новизной*» (7(1), 170). Публицист-мыслитель должен владеть «более или менее всеми средствами наук естествен<ных>, историче<ских> и богословских» (8(1), 408).

«Политические писатели, – объяснял Леонтьев, – не облечены никакою властью, – это не их назначение; их призвание не принуждать, а *убеждать* своих сограждан; руководить общественным мнением, воспитывать это мнение; – а вовсе не подчиняться ему и не потворствовать вздору только потому, что многие в настоящую минуту этому вздору сочувствуют. <...>...политическая русская печать должна <...> *своих* просвещать, своих убеждать, своим облегчать ясное разделение понятий, часто спутанных и темных в наше время...» (8(1), 242). От публициста требуется «говорить пояснее правду более *общую*»: «Нам надо публику воспитывать³, нам, больше ее во всем этом смыслающим и этому себя посвятившим, а не Правительство учить⁴, которое само, я думаю, знает, или должно знать, что возможно и что удобно *теперь*» (8(1), 259). В отвергнутой издателями и опубликованной лишь в 1996 г. статье «Еще о греко-болгарской распре» Леонтьев писал, что политическая литература «должна иметь в виду гораздо более отдаленные цели», чем ближайшие нужды, она «обязана не стесняться и не лукаво вразумлять своих читающих соотчичей для грядущего» (7(1), 273).

Леонтьев, пугавший своих современников заявлениями о необходимости запретить газеты⁵, тем не менее верил в роль печатного слова, даже газетного, только, говорил он, это слово нужно верно направить, чтобы оно выражало «высший русский идеал» (ср. 8(1), 7, 8). Печать «имеет возможность, при помо-

¹ «...Я в 73 году <...> обязан был <...> в печати являться более дипломатом или политиком *завтрашнего дня*, чем *социологом* или политиком более широкого грядущего...» (7(1), 270; примеч. 1884 г.).

² Ср.: 8(1), 409. Примером такой публицистики он считает произведения Вл.С. Соловьева, причем не его газетные статьи, а большие труды: «Ведь и лучшие сочинения г. Соловьева <...> при всей их учености – сочинения только поленаучные по духу, а по цели совс<ем> уж не научные» (Там же).

³ Вот еще два высказывания о педагогической роли «высокой публицистики»: «Большинство не умеет ни *отвлеченно предвидеть*, ни *художественно предчувствовать*; большинству нужны *наглядные* примеры...» (8(1), 99); «Не только большинство, менее способное, но и все самые способные люди нуждаются в помощи чужого ума, чужого наблюдения, чужого творчества для более всестороннего и ясного понимания природы и жизни» (8(1), 312).

⁴ Хотя в более ранней статье он не исключал и задачи (возможности) «давать советы практической политики» (8(1), 67).

⁵ Ср. с. 414 представляемого издания. Вот еще одно свидетельство: И.Л. Леонтьев-Щеглов запомнил его слова: «Газета не возбуждает благородные чувства, а усыпляет их, как моль выедает самые горячие убеждения, самые светлые порывы» (ИРЛИ. Архив И.Л. Леонтьева-Щеглова. № 1418. Л. 78).

щи целого ряда посредствующих действий и влияний, доходить до самых недр или корней национальной жизни» (7(2), 74). Он видел культурную ценность «политической печати», «ее серьезное значение для общественной жизни» (8(1), 242). «Высокая публицистика», по его мысли, должна противостоять «ежедневному мельканью полуистин, полу-лжи и общепринятых фраз» (8(1), 258).

Очень важно высказанное писателем пожелание говорить «правду» «*пояснее*»¹, особенно актуальное в эпоху «выветривания» смыслов, когда «вся мудрость в том, чтоб и самому не очень ясно понимать, и другим не объяснять ничего резко», «ничего не называть по имени» (7(1), 61). Много раз и очень настойчиво (и именно в газетах, что важно) Леонтьев будет говорить о своей позиции: «...нам хотелось только назвать вещь по имени...» (7(2), 45); «...если мы назовем некоторые вещи по имени» (7(2), 54); «...мы будем *пытаться* говорить все *яснее* и *яснее*...» (7(2), 62); «...Россия переживает такое критическое время, что гораздо лучше называть вещи по имени, чем говорить с ужимками, обманывая и себя, и других» (7(2), 90); «...*постараемся назвать вещи по имени!*...» (8(1), 170).

Вещи по имени рискуют называть юродивые² и пророки. Последнее слово Леонтьев часто применял к себе, но, как мы увидим дальше, он понимал слово «пророк» и производные от него довольно широко. В принципе его представление о политической литературе, о «высокой публицистике» предполагает пророческую миссию, но это не только миссия «угадчика», предсказателя: политический мыслитель может быть «*созидателем будущего*» (8(1), 188). Леонтьеву случалось быть и предсказателем (диагностом)³, и созидателем.

Один из учеников Леонтьева вспоминал: «Он иногда называл себя „пророком“, указывая этим на свою новую проповедь и вместе на то, что он не был ни понят, ни оценен по достоинству в любимом им отечестве. Впрочем, Константин Николаевич мог быть по справедливости назван пророком и в смысле предсказателя. По крайней мере, все писанное им о славянах Балканского полуострова подтвердилось впоследствии до мельчайших подробностей»⁴.

¹ За этим стоит еще и напоминовение о высоких требованиях к стилю. Остроумие, изящество, замечательные мысли, блестящее, оригинальное освещение (ср.: 7(2), 39), чистый, простой язык, без «выходок», «вывертов» и «хамских слов», – вот требования Леонтьева к литератору и публицисту.

² Немудрено, что Леонтьеву не раз приходилось видеть в газетах отзывы о себе как новом Иване Яковлевиче Корейше (см.: 7(2), 797, 863–864). Но здесь он не одинок, до него в «корейшах» побывал в начале 1860-х Иван Аксаков (см., например: *Знаменский Пр. <Курочкин В. С.>* Газета «День» и Иван Яковлевич Корейша // Искра. 1861. № 45. С. 653–658). Леонтьев относился к таким сравнениям с юмором и даже подыгрывал в том же ключе: «...спокойно *пророчествую*, как и следует „безумному мистика“» (8(1), 266).

³ В письме к Розанову от 13 июня 1891 г. он сравнивает себя с метеорологом и врачом, которого не приглашают на консилиум, но он «*знает*, как идет болезнь» (Литературные изгнанники. С. 356 [Розанов В.В. Собр. соч. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001. <Т. 13> Литературные изгнанники. Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым. Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым.]). Здесь нужно помнить важный момент: врач предсказывает (пророчит), например, смертельный исход болезни. Он не «одобряет» его, он о нем сообщает. Так и в политических пророчествах: «Я могу поверить <...> в торжество рационалистического космополитизма; но никогда не сочту благом это *торжество*» (8(2), 80). Эти слова хорошо бы почаще перечитывать тем, кто видит в Леонтьеве чуть ли не предтечу сталинизма.

⁴ *Замараев Г.И.* Памяти К.Н. Леонтьева // Pro et contra. Кн. 1. С. 200 [К.Н. Леонтьев: pro et contra: Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология: В 2 кн. / Изд. подгот. А.П. Козырев, А.А. Корольков. СПб., 1995].

Да, предсказания на славянскую тему стали сбываться при жизни Леонтьева, и он был этим горько «утешен»¹. Это пророчества в прямом смысле слова². Таких у Леонтьева много, что хорошо известно, поскольку его прогнозы, предсказания и предупреждения как раз и являются тем, что поддерживает неизменный интерес к мыслителю. А в 1990-х гг. тема предсказаний будущего и вовсе была одной из главных в литературе о нем, так что одна из книг и название соответствующее получила: «Пророчества Константина Леонтьева»³. Писали в ту пору даже так: «Пророческий смысл суждений Леонтьева заставляет ныне с вниманием вдумываться в каждое слово, даже недоговоренное или невзначай оброненное плохо понятым при жизни мыслителем»⁴.

Много предсказаний сбывшихся, много – «отложенных» или сбывающихся сейчас, как вот это – о китайцах – в исключенном при издании сборника «Восток, Россия и Славянство» фрагменте из статьи 1880 г.: «*Будущее* принадлежит им, если славяне не перестанут все так же умильно и глупо служить обще-европейским гражданским богам...» (7(2), 515). Леонтьев, по выражению О.Э. Мандельштама, орудует «глыбами времени» и «покрикивает» на столетия⁵. Что, например, за государство или культура, которое не может простоять крепко 1000 лет? Так и со сроками «сбытия» пророчеств: «А если пророчество, хотя бы и в приблизительной форме, осуществляется через 200–100 или 75 лет, то неужели это пророчество будет вовсе поверхностное в идеализме своем?» (8(1), 361). Леонтьев полагал, что определение сроков «очень трудно; однако не совсем уж невозможно» (8(1), 328). «...Вся трудность в *сроках*. И определить их с точностью редко возможно, и не признать их могущества нельзя» (8(1), 360). Л.А. Тихомиров сказал о нем: «...человек, забежавший очень далеко „вперед“, в такое будущее, что средний глаз плохо его даже схватывает»⁶.

¹ «Во многом я оказался пророком, и седины мои теперь многим утешены!» (8(1), 150); «...я уже не раз был пророком» (ИП. С. 443; письмо кн. Е.А. Гагариной от 24 апреля 1889 г. [*Леонтьев К.Н.* Избранные письма / Публ., предисл. и примеч. Д.В. Соловьева; вступ. ст. С.Н. Носова. СПб., 1993]). «Вспомните мои *пророчества* о болгарях и сербах. Я постоянно оправдан позднейшими событиями, но не людской догадкой и не своевременной справедливостью критики» (8(1), 499). Пример такого сбывшегося пророчества Леонтьев привел в дополнении 1885 г. к статье «Русские, греки и юго-славяне»: «...живя в Царьграде, среди глубокого военного затишья в 73 году, пророчил, что *первые восстанут против Турции не болгары и не греки, а сербы*» (7(1), 491). Здесь имеется в виду указание в пятой главе «Византизма и Славянства» на то, что сербы скорее могут восстать против турок, чем греки или болгары (7(1), 366–367). И прямо к этому месту в 1884–1885 гг. тоже сделано примечание: «Не был ли я и в этом пророком? Через год после этой книги сербы восстали. Они *начали движение*» (7(1), 366).

² О. Иосиф Фудель писал, что Леонтьев и Вл. Соловьев «обладали даром художественного прозрения, доходившего до пророческого ясновидения» (Преемство от отцов. С. 415).

³ *Корольков А.А.* Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1991.

⁴ *Булычев Ю.* Вольнолюбивый певец деспотизма: (О предназначении власти и смысле свободы в воззрениях К.Н. Леонтьева) // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 409. Хорошо еще, что тот же автор призывает не превращать наследие Леонтьева «в сборник ответов для решения социально-политических задач», тем более что «русский космос разрушен настолько, что без творческих усилий его не возродить» (Там же. С. 420, 421). А ведь превращают! В 2010 г. на сайте «Русский журнал» появилась, например, статья М.А. Тюренкова под заглавием «Леонтьев и постманежная Россия» (<http://www.russ.ru/pole/Leont-ev-i-postmanezhnaya-Rossiya>). Это пример как раз из области вчерашней новизны; может быть, теперь и название этой статьи нуждается в комментарии.

⁵ *Мандельштам О.Э.* Шум времени // *Мандельштам О.Э.* Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. / Сост. А.Г. Мец. М., 2010. Т. 2: Проза. С. 257.

⁶ *Тихомиров Л.* Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Русское обозрение. 1894. Т. 29, окт. С. 868. Далее у него же: «проповедник и, надеюсь, пророк нашего будущего» (Там же. С. 881).

Кроме пророчеств-предсказаний есть пророчества-гипотезы. «...Это нечто вроде пророчества, если не совсем уже научного, то полунаучного, *гипотетического, по индуктивному способу из примеров исторических выведенного*» (8(1), 99). Так, «по индуктивному способу», Леонтьев пророчил «разрушение Парижа» (там же), о чем, судя по всему, даже молился¹.

Но есть среди леонтьевских «пророчеств» то, чему и примеров исторических не было (как Восточному союзу и соборной централизации на Босфоре; ср.: 8(1), 359–360). Здесь вступают в силу третьего рода пророчества. Здесь синонимами слова «пророчества» являются «идеал» (8(1), 44, 56, 90)², «мечта»³, «идеи и мечтания» (7(2), 117), надежды⁴, «предвидения и предчувствия» (8(1), 82). В таком же смысле (идеи, мечтания, надежды) он говорил о пророчествах Достоевского (7(2), 187, 195; 8(1), 337, 479; предсказания прозорливые: 8(1), 478), Н.Я. Данилевского (множество примеров), Вл. Соловьева (8(1), 361, 392), А.Н. Майкова (7(2), 188), Ф.И. Тютчева (8(1), 580).

Употреблял Леонтьев и популярное сейчас слово «проект», но чаще для того, чтобы от него оттолкнуться, о чем свидетельствует и курсив⁵. При этом слово употреблено в прямом смысле («фантастический проект» (7(2), 116) в контексте статьи о памятнике 25-летия царствования Александра II есть проект архитектурный). Хотя слово «проект» и оставалось для Леонтьева чужим, мыслил он, как уже было сказано выше, проективно. И можно было бы даже отнести его к утопистам (тем более что еще недавно в гуманитарных науках была так модна тема «консервативной утопии»)⁶, если бы не одно важное обстоятельство: любой утопист, кто

¹ По словам Леонтьева, сохраненным в дневнике И.Л. Леонтьева-Щеглова, познакомившегося с ним в Оптиной пустыни в июне 1891 г., так молился «некий афонский монах» (не он ли сам? Он ведь не раз и в статьях говорил о себе в третьем лице): «Некий Аф<онский> монах: „О мире всего мира... и о разрушении города Парижа, Госп<оду> пом<олимся>! Подай Господи!“» (ИРЛИ. Архив И.Л. Леонтьева-Щеглова. № 1419. Ч. 1. Л. 25). В другой записи среди реплик Леонтьева снова те же слова: «О разрушении города Парижа!..» (Там же. № 1418. Л. 77 об.).

² Один из наиболее ранних примеров – письмо к Вс.С. Соловьеву от 18 июня 1879 г.: «С одной стороны, я чувствую, что все напечатанное мною есть только жалкая и бедная доля того „океана“ чувств, идей самобытных и верных, тех образов, теней, *пророчеств*, которые живут и бесследно гаснут во мне... <...> Я сам виноват; *идеал мой* был не сообразен ни с веком, ни с здоровьем моим...» (РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 28). Другой случай: готовясь в 1883 г. к отдельному изданию своих сочинений, Леонтьев не оставлял и замысла издания отдельных брошюр. Сохранился ряд свидетельств о его плане издать брошюру «Прогресс и развитие», видимо, на основе «теоретических» глав книги «Византизм и Славянство», но однажды упоминается и начало названия другой задуманной брошюры: «Исторический идеал и...» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 8; письмо В.М. Эбермана к Леонтьеву от 17 января <1884 г.>).

³ См.: 7(2), 111; 8(1), 77. Друг Леонтьева Т.И. Филиппов, помнивший об отрицательных оттенках слова «мечта» в христианской культуре, употреблял в таких случаях слова «чаяние», «упование». Но и у Леонтьева, собственно, «мечта» означает «идеал». Ср. еще: «*мечты*» славянофилов (7(1), 101; ср.: 7(2), 45–46); «высокая мечта» (7(2), 46); «*мечты* Руссо» (7(1), 172); благоденственная надежда, эвдемоническая мечта (7(2), 175, 176). В письме к Фуделю от 6–23 июля 1888 г. сам «эптастизм» назван «патриотической мечтой» (Преимство от отцов. С. 91).

⁴ «...К моим мечтам и надеждам на независимость *русской мысли* вообще» (8(1), 409).

⁵ «...Я и не претендую предлагать *проект*»; «Я повторяю, что не претендую предлагать *проекты*, а лишь *ищу* и делаю намеки» (7(2), 111, 114).

⁶ О проектах Леонтьева так и говорят: «футурологическая утопия» (*Гоголев Р.А.* «Ангельский доктор» русской истории. М., 2007. С. 103, 117). Да и вне всякой моды (задолго до нее) о. Иосиф Фудель тоже говорил об «утопичности» Леонтьева, объединяя его с другим утопистом, Вл. Соловьевым: «Оба всю жизнь *мечтали*, и оба всю жизнь бо-

бы он ни был по своей политической принадлежности и что бы ни проповедовал, проповедует в конечном счете «рай на земле», а уж это к Леонтьеву никак не применимо¹ (разве что мы будем использовать слово «утопия» в бытовом значении: «нечто неисполнимое»)². Он сам ответил на предполагаемый вопрос о своем утопизме в заметке «Письмо к П.Е. Астафьеву. По поводу его книги „Психический мир женщины“» (1883), написанной «как будто от одной *читательницы из Тулы*»³: «Что я не утопистка – это я знаю, потому что я ни в какой *будущий идеал человеческого счастья* на земле не верю и даже, как исповедающая Христианство, ничего подобного на земле не обещавшего, верить не имею права» (VIII, 129).

«Мечты», или «смелые пророчества», все же, на взгляд Леонтьева, «гораздо скромнее непрошеного совета», который дают обычные публицисты: это ведь «нечто вроде предсказания» (8(1), 82) об обстоятельствах возможных или желательных. И делать такие предсказания – тоже одна из задач политического писателя. «...Неустранимая потребность сознательного отношения к жизни не может (именно вследствие силы своей) удовлетворяться только одними объяснениями прошедшего, но ей естественно нужны и реальные пророчества будущего, хотя бы ближайшего» (8(1), 357).

В книге «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» есть важный фрагмент, где говорится, о чем можно и о чем не должно «мечтать» (не должно – о неосуществимом): «...мечтать и заботиться об оригинальной <...> культуре можно, и позволительно даже *искать* ее. – Позволительно и логично мечтать о государственной силе и славе <...> позволительно и логично желать для *действительной* жизни больше *поэзии*, более изящных и красивых *форм* <...>. Позволительно надеяться на глубокие перевероты в области философского мышления <...>. Все это возможно.

Но с точки зрения *умственной*, непозволительно мечтать о всеобщей *правде* на земле, о какой-то *всеобщей* мистической любви, никому ясно даже и не понятной; нельзя мечтать о равномерном благоденствии» (8(1), 221–222).

Поскольку Леонтьев мечтает об осуществимом⁴ (пусть и в необозримо далеком будущем) или об имевшем исторические прецеденты, он и называет свои пророчества «реальными». (В следующей главе речь пойдет о

ролись всеми доступными им средствами за осуществление своей мечты, за приближение идеала к земной действительности. Оба к концу жизни глубоко *разочаровались* не в своем идеале, а в *возможности* его достижения, его реализации *здесь* <...> вообще когда бы то ни было... <...> Оба были утописты, искавшие только точку опоры, чтобы своим рычагом повернуть ход мировой истории. И сколько действительной красоты в этой трагической борьбе одиноких мыслителей, благородных мечтателей, утопистов, фантазеров <...> в их отчаянной борьбе с несокрушимой броней медленно движущейся колесницы Истории!..» (Преемство от отцов. С. 415); «Это мечтатели, утописты, романтики, „смешные люди“, с обывательской точки зрения, и в то же время это гении человечества, своими утопическими мечтами согревающие нашу жизнь, которая без них превратилась бы в глыбу льда, это крылатые безумцы...» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1046. Л. 105. См. также: Л. 126 об., 143–143 об.).

¹ Ср.: «...я пришел к убеждению, что никогда люди „справедливо и приятно“ устроиться не могут, на каких бы то ни было основаниях. Да и не *должны*; ибо в случае успеха они забыли бы *Бога и вечность*...» (6(1), 362).

² Так, снисходительно, современный православный философ говорит о «мечте» Леонтьева – «соборной централизации»: «Конечно, и Леонтьева „заносило“ <...>. Но с кем из действительно крупных мыслителей этого не бывает!» (Адрианов Б. Место и значение К.Н. Леонтьева в русской философии // К. Леонтьев, наш современник. С. 5).

³ Имеется в виду М.В. Леонтьева.

⁴ Ср.: «Но для того, кто ни на минуту не хочет забыть заветной, исполинской и вместе с тем *весьма осуществимой* мечты о *независимой, многосложной и новой Славяно-Восточной цивилизации, долженствующей заменить Романо-Германскую*...» (8(1), 77).

задуманной Леонтьевым книге, которую он определял как «реальные пророчества будущей культуры»¹.) Они должны быть ясными, без «излишнего предрешения *подробностей*»², но учитывающими все обстоятельства времени («не забывая силы сроков»; 8(1), 357): «...важно не только какое-нибудь событие само по себе, но важно и то время, в которое это событие случается» (8(1), 624).

Его пророчества «реальны» еще и потому, что *трезвы*. «Когда мы судим о более или менее близком будущем, – писал он, обращаясь к своему дипломатическому начальству, – тогда, чтобы не ошибиться и не попасть на ложный практический путь, мы должны брать в расчет не одну статистику данной минуты как нечто вечное и непреложное, но и то течение обстоятельств, те залогов, на которых может зиждиться будущее»³. Эту «статистику» он дальше называет «обманчивой»⁴.

Трезвость пророка оставляет течению событий свободу: «...в жизни никакое начало до конца не доводится; – всегда остается хоть небольшое место и для действия других начал» (8(2), 40). «Не все правильное сбывается и не все желательное правдоподобно» (8(1), 362).

Наконец, есть четвертое понимание «пророчества», а именно пророчества-проповеди⁵ (ведь любой пророк посылается на проповедь). Но я не имею здесь в виду только пророчества о гибели царств или проповедь о покаянии, о Царстве Божием. В Апостольских посланиях «пророчество» означает вообще проповедь Слова Божия. Ср.: «...а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение» (1 Кор. 14: 3).

О годах своего созревания как политического мыслителя (1873–1878) Леонтьев писал: «Было время <...> я еще мечтал своими статьями сделать какую-то „пользу“... Я верил тогда еще наивно, что я кому *следует* „открою глаза“...» (8(1), 499). В 1888 г. «оптинский отшельник» понимает: «Не надо писателю-христианину воображать себя слишком полезным...» (Там же).

Несмотря на то, что считать себя «полезным» *не полезно* для души, Леонтьев всегда заботился о приложимости, применимости к действительности теорий, в том числе и своих. Этот аспект важен для пророчества-проповеди. О «практическом выходе в жизнь» различных философских теорий на примере Э. фон Гартмана и Вл. Соловьева Леонтьев подробно рассуждает в письме к К.А. Губастову от 5–7 июня 1889 г.⁶ О Достоевском в письме к Розанову от 8 мая 1891 г. он заявляет: «Слишком сложно, туманно и к жизни неприложимо»⁷. Вообще понятие жизненной пользы того или иного явления, видимо, сильно заботило Леонтьева, хотя утилитаристом, как известно, он не был. Политическую пользу, политическую заслугу он видел даже... в романах Толстого (8(1), 309; VIII, 235–236), рассуждал «о социальной ценности и лично психическом значении разных русских героев XIX века» (VIII, 222). Собственная проповедь Леонтьева полезна и жизненна была уже тем, что развеивала иллюзии благополучия и призывала «тревожиться и неустанно бороться» (8(2), 14).

¹ Пророки Византизма. С. 305.

² Ср.: «...о частностях <...> пророчествовать еще нельзя, но о сущности <...> можно наверно сказать...» (7(2), 201).

³ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Ср. с высказываниями Леонтьева о двух классиках: Достоевский «писать и проповедывать правильно еще не мог» (VIII, 214), Толстой «желал проповедывать свое!» (VIII, 168).

⁶ См.: ИП. С. 463–467.

⁷ Литературные изгнанники. С. 336.

Проповедь, нацеленная на то, чтобы быть услышанной, должна быть настойчива (порой до назойливости)¹ и понятна. Поэтому Леонтьев так заботился о «наглядности»², запоминающихся примерах: «...когда я пишу, то больше думаю о живой психологии человечества, чем о логике; больше забочусь о наглядности изложения, чем о последовательности и строгой связи моих мыслей» (8(2), 120). «Для большинства читателей (да и для меня самого в роли читателя) – гораздо нужнее ясность и наглядность, чем все эти непрерывные и часто ложные и натянутые извороты отвлеченной диалектики» (8(1), 483)³. Обратим внимание на его похвалы Н.А. Любимову за то, что в его книге «Против течения» «так удачно соединены серьезность и самостоятельность исторического исследования со всей завлекательностью оживленной беседы и художественного рассказа» (VIII, 125), и упреки П.Е. Астафьеву, читатели которого вязнут в паутине метафизики. То, что Леонтьев говорит об избранной им форме изложения в предисловии к «Четырем письмам с Афона» («писать – что писалось и как думалось... без системы и очереди», – 7(1), 132), подходит практически ко всему, что он написал. Ср. в статье о Толстом: «Что делать!.. Как мыслится, – так и пишется...» (VIII, 223). Вот откуда происходила та «прелесть и сила речи, которою, независимо от всякого содержания, мы любуемся в <...> многочисленных статьях К.Н. Леонтьева»⁴.

Назову еще несколько свойств, отличающих Леонтьева – публициста-проповедника.

1. *Дерзновение* («Я говорю из вежливости, что я *подозреваю это*; в самом же деле, я в этом уверен, я готов пророчествовать это». – 7(2), 133), *смелость мысли*⁵. Один из его постоянных призывов: необходимость «глубокого поворота в духе» (8(1), 562) и «эмансипации мысли» (8(1), 48). «Русская мысль⁶ должна, наконец, решиться стать смелой...» (8(1), 8). «Необходимо нам дерзновение ума и полезен нам каприз фантазии... <...> Ошибки в сфере искусства и мысли,

¹ «Есть вещи, – говорил он, – о которых необходимо напоминать как можно чаще, особенно в газетах, которые читаются вообще небрежно и торопливо» (7(2), 92). Теперь, отчего-то забывая об этой понятной и характерной для публицистики установке, исследователи, читающие Леонтьева «в книжке», порой упрекают его за множество повторов.

² Наглядностью своих очерков, полных «живых, живописных осязательных примеров», способностью «к изобразительности» Леонтьев пытался заинтересовать редактора «Зари» Страхова (см.: 7(2), 553–555), но все втуне: в этом журнале, как писал современник, «находили, что скучно все несерьезное и, напротив, все серьезное в высшей степени завлекательно» (Авсеенко В.Г. Кружок // Исторический вестник. 1909. № 5. С. 443).

³ Всегда и везде у Леонтьева – образность, лиризм, запоминающиеся картины и примеры. При этом никогда он не забывает о том, что хочет внушить, проповедовать читателю. Нотки (а порой целые «мелодии») политической проповеди присутствуют даже в легком жанре мемуарного очерка для газеты, в его «консульских рассказах».

⁴ Розанов В.В. Европейская культура и наше к ней отношение <1891> // Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 179.

⁵ Его раздражала «наша робкая литература» (письмо к Страхову от 12 марта 1870 г.; цит. по: 6(2), 268) и огорчало то, что «вообще в России люди не смелы умом», «делают много хорошо и смело; – мыслят – робко...» (5, 619), что «ни на каком поприще» не обнаруживается у нас «умственной дерзости, свойственной всем истинно культурным, творческим народам» (7(1), 512). «В самих себе мы ничего открыть не умеем; принять меры, неслыханные нигде, мы никогда не дерзнем...» (7(2), 97). «Мы вообще действуем лучше, чем мыслим; а мыслим нередко все-таки много смелее и яснее, чем пишем» (8(2), 44). «...Любовь к смелости и своеобразию мысли, – писал он, – так остыла в наше время...» (7(1), 118). Этой «нашей вечной умственной робости» (7(1), 501; примеч. 1885 г.) он опасался как самой большой преграды для культурной будущности России.

⁶ В другом месте он говорит: «Увы! Пора убедиться, что именно *мысли-то русской* так мало на свете! <...>...мысли русской, того, что заслуживает названия мысли, не будет до тех пор, пока мы не перестанем быть *европейцами!*...» (7(2), 85).

даже самые грубые, если они явятся рядом с живыми указаниями, и те гораздо плодотворнее вечной осторожности, вечного *terre-à-terre*¹, вечного какого-то озираательства» (7(2), 117).

Известно, что Льву Толстому нравилось, как Леонтьев в своих статьях «все точно стекла выбивает»². Несомненно, его (наряду с Вл. Соловьевым) Толстой отнес к «тому малому полку русских людей, которые позволяют себе думать своим умом». «Я уже насчитываю теперь 5-рых таких», – писал он Страхову 23 декабря 1874 г.³ (Не ясно только, был ли Леонтьев уже тогда в числе этих пятерых или присоединен к ним позже, например, после «Византизма и Славянства»⁴.) М.П. Погодин передавал в 1874–1875 гг. Леонтьеву, что после появления статей о панславизме многие «обрадовались <...> что вот, мол, *наконец-то человек мыслит!*» (цит. по: 7(2), 606).

2. *Независтливость и сорадование* за современников, стяжавших большой успех (укажу в пример на примечание 1885 г. к одной из статей из «Варшавского дневника»: «Мне очень приятно напомнить здесь, что замечательная статья г. Пазухина⁵ <...> подтвердила с таким блеском и такой практической силой пять лет позднее эти самые мысли мои, выраженные при условиях, столь невыгодных и по времени и по месту моей деятельности в этом ужасном 80-м году!» – 7(2), 99)⁶.

¹ Приземленности (фр.).

² Александров привел эти слова в предисловии к отдельному изданию статьи Леонтьева о Толстом (Леонтьев К. О романах гр. Толстого. М., 1911. С. 8). Знал их от Александрова и сам Леонтьев, сообщавший Розанову: «Он <Толстой> <...> за глаза всегда меня хвалит и предпочитает многим другим писателям за то, что я „стекла бью“ (это его слова)» (Литературные изгнанники. С. 359). Кажется, никем еще не отмечалось (может быть, за очевидностью?), что Толстой подразумевал в своем отзыве французский фразеологизм «casser les vitres» (бить стекла), означающий «скандалить», «поднимать шум», «идти напролом». Соответственно, в продолжении цитаты («...но такие выбиватели стекол, как он, мне нравятся») используется калька с французского «casseur de vitres». Между прочим, именно этот оборот обнаруживается в рецензии М.А. Загуляева на леонтьевскую статью о Толстом: «Этот блестящий писатель уже своими литературными дебютами продемонстрировал то, что называется „непокорностью“. У него просто дар бунтовать против устоявшихся мнений. <...> Но его бесспорная искренность и глубокое презрение к мнению читателей не позволяют приклеить ему эпитет „бьющего стекла“, которого заслуживает столько современных писателей, добивающихся популярности именно подобными проказами. <...> Да, он бьет стекла, но не из любви к разрушению, а из необходимости говорить без обиняков все, что в данный момент ему кажется справедливым и верным. <...> В сущности, это „романтик“ чистой воды...» (Л.В. <Загуляев М.А.> Chronique littéraire // Journal de St. Petersburg. 1890. 22 Juillet (3 Août). № 193. P. 1; пер. с фр. Л.В. Дмитриевой).

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 62. С. 128.

⁴ Не оставляет места для гаданий насчет того, входил ли Леонтьев в эту «пятерку», позднейший отзыв Толстого (22 июля 1905 г.), сохраненный Д.П. Маковицким: «Леонтьев стоял головой выше всех русских философов» (Маковицкий Д.П. У Толстого, 1904–1910: Яснополянские записки // Литературное наследство. М., 1979. Т. 90. Кн. 1. С. 352).

⁵ Речь идет о статье А.Д. Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос», вышедшей как раз тогда (Русский вестник. 1885. № 1. С. 5–58). В конце следующего года Леонтьев познакомился с Пазухиным лично и узнал, что тот его статей не читал. Но и в 1885 г. он подразумевал просто совпадение мыслей.

⁶ Ср. в письме к Филиппову от 4 октября 1888 г.: «Обвинять себя только в самолюбии, в желании „успеха для успеха“ не имеет основания ни добросовестная мать, ни убежденный проповедник. Тут есть одно прекрасное средство проверить свою совесть; рада мать, если видит, что гувернантка или начальница училища лучше берется за дело, чем она? Если рада, то, конечно, совесть ее чиста. Рад писатель, увидавши, что другой, более его способный или счастливый, – говорит с успехом почти то же, что он „вопий в пустыне“? Если рад, то он чист совестью. Я всегда был рад, когда это случалось. Пророки Византизма. С. 513).

3. *Щедрость* («...воруйте на здоровье что понравится и с чем сердце ваше согласится», – в шутку призывал он ученика к заимствованию своих идей¹). Он готов был другу передать не только свои темы (как Тихомирову – тему социалистической монархии), но даже сами неоконченные рукописи – для окончания².

4. *Требовательность к себе*³.

Последнее свойство (его можно также назвать «осторожностью»⁴, особенно удивительной в сочетании с «дерзновением ума» и «капризами фантазии») как нельзя лучше проявилось при подготовке отдельного издания статей в 1884–1885 гг. Авторедактирование – чрезвычайно интересная филологическая тема, полезная и для изучения писательской психологии. Если в художественных произведениях правка касалась в основном стиля (лишь в повести «Исповедь мужа» Леонтьев дважды пытался переписать финал), то в публицистике заметна многоуровневая серьезная правка, о которой, на примере статей 1880 г., рассказано в отдельной подглавке. Коснуться этого текстологического сюжета в начале книги необходимо потому, что это, во-первых, сразу покажет нам писателя, как раньше выражались, «в его лаборатории», а во-вторых, может побудить внимательнее относиться к его текстам, замечать в них разные временные слои.

<...>

Терминология и образность публицистики Леонтьева

Об основных категориях и терминах философии Леонтьева («единство в разнообразии», «веяние», «процесс развития», «цветущая сложность», «вторичное смесительное упрощение» и т. д.), об их генезисе – от античной философии и эстетики до Ап. Григорьева⁵ – написано уже очень много⁶.

¹ Преемство от отцов. С. 272 (письмо к о. Иосифу Фуделю от 19 января – 1 февраля 1891 г.)

² Так, Розанову он предлагал рукопись «Среднего европейца...». См.: Литературные изгнанники. С. 366.

³ Вот один из показательных случаев: перечитывая после публикации свою статью «Анализ, стиль и веяние», Леонтьев обнаружил там негативный отзыв о писателе Успенском и задумался, кого из двух – Глеба или Николая – он имел в виду. А потом понял, что не имел права задевать ни того, ни другого. В «Гражданине» он поместил тогда заметку «Какой Успенский – Глеб или Николай?», где упрекал себя: «Надо знать твердо то, о чем пишешь. А если не достаточно знаком с каким-нибудь автором, то не надо зря и с порицанием упоминать его имя в печати» (VIII, 357–358).

⁴ О. Иосиф Фудель отмечал: «До какой степени К. Л<еонтьев> был осторожен в своем слове, в своей проповеди! Какая противоположность с современными „мыслителями“!» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1046. Л. 121).

⁵ У последнего Леонтьев позаимствовал термин «веяние». См., например: *Славин И.К.* Литературно-критическая деятельность К.Н. Леонтьева: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 14. Здесь же, кстати, рассматриваются и другие категории леонтьевской эстетики.

⁶ См. классические работы: *Гайденко П.П.* Наперекор историческому процессу: (К. Леонтьев – литературный критик) // Вопросы литературы. 1974. № 5. С. 159–205; *Бочаров С.Г.* «Эстетическое охранение» в литературной критике: (Константин Леонтьев о русской литературе) // Контекст, 1977. М., 1978. С. 142–193; *Бочаров С.Г.* Литературная теория Константина Леонтьева // Вопросы литературы. 1999. Вып. 2. С. 63–109; Вып. 3. С. 188–203 (то же, с «постскриптумом» «Заметки к теме „Леонтьев и Фет“»: *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 276–340). Из новейших исследований стоит выделить монографию Р.А. Гоголева, уже упоминавшуюся в начале книги [«Ангельский доктор» русской истории (М., 2007)].

К влиянию славянофилов современный историк относит употребление Леонтьевым термина «начала», который тот использовал в 1870-х гг.¹ (в конце жизни мыслитель будет говорить, что не понимает, что такое «начало» в смысле философской категории)². Думается, что корни, конечно, надо искать гораздо глубже, поскольку и у славянофилов были свои образцы – прежде всего в немецкой философии и в традиции романтизма.

Свидетельства тому, что и Леонтьев «романтизму отдал дань», находим в использовании им таких понятий, как «племенной гений» (ср.: 3, 8), «исторические течения века» (7(2), 18), «дух времени» с его «течениями» и «веяниями» (7(2), 140–142), «*общее течение* исторического потока» (7(2), 158).

Разные трактовки вызывают то противопоставленные, то синонимичные у Леонтьева термины «культура» и «цивилизация»³.

Мне бы хотелось обратить внимание на менее привлекавший внимание исследователей терминологический ряд (главным образом из области социологии и социальной психологии⁴) и попытаться выявить в нем некоторые закономерности. О серьезном анализе речь сейчас не идет. Это лишь материал для дальнейших наблюдений.

* * *

У Леонтьева не было серьезной научной подготовки в области истории и философии, но были интуиция художника и отличная память. Он редко запоминал точное название статьи или книги, мог вообще забыть его, мог назвать очень приблизительно или вовсе спутать время ее выхода, затрудняя задачу будущим комментаторам. При этом он поразительно точно через много лет до деталей помнил содержание прочитанного. Он умел, кроме того, по детали достраивать картину. Иногда одна статья, на которую современники и внимания-то особого не

¹ Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. СПб., 2007. Встречается и более позднее употребление. Например, в «Варшавском дневнике»: «исторические начала народной жизни» (7(2), 89). Далее в той же статье как синоним используются термины «основы» и «основные факторы» (7(2), 90). Леонтьев пользовался также термином «устои». «Устои» могут быть новы по формам, но вечны «по существу своему» (8(1), 102). Ср.: 8(1), 201–202 (перерождение социальных форм). Интересно определение, что такое «основы»: «...основами называются <...> те из начал, правящих жизнью современного нам общества, которые неизменнее других продержались или с самого зарождения данного общества, или с эпохи его утверждения до наших дней, до современности» (8(1), 330). «Все основы стеснительны для большинства: это должно быть признано, я думаю, социологической аксиомой» (8(1), 331).

² Он и прежде чаще использовал «начала» как «чужое слово», то от лица «чехов» (7(2), 339), то как слово Герцена (7(1), 174).

³ «...Под словом „культура“ надо понимать не просто цивилизацию, как многие ошибочно думают, но цивилизацию особую; надо понимать такой род исторического развития, который от других родов в совокупности признаков своих значительно разнится» (8(2), 225); «...слово культура я, следуя Данилевскому, понимаю не просто как цивилизацию; а как цивилизацию особую, как особый вид развития жизни и сознания...» (8(2), 33). Под «цивилизацией», как можно думать, Леонтьев подразумевал, по-видимому, культуру в ее материальном воплощении (ср.: 8(1), 77). Культура состоит «в совокупности всех тех признаков, которыми одна цивилизация отличается от другой...» (8(2), 12). Есть случаи смешанного или синонимического употребления этих терминов: «...особой, европейской культуры, этой в свое время новой всемирной цивилизации» (7(1), 301). «Цивилизация, культура, есть именно та сложная система отвлеченных идей <...> которая вырабатывается всей жизнью наций» (7(1), 433).

⁴ Эта наука, которая «едва родилась» (7(1), 384), чрезвычайно интересовала Леонтьева, ведь она познает древние, исконные, «непобедимые» законы социальной жизни (8(1), 591).

обращали, для него становилась важнейшим источником раздумий и новых построений. Пример тому – статья А.М. Майкова «Всеславянство»¹, «краткое, но солидного тона историческое исследование» (7(1), 446), которое он в целом осуждает за то, что автор как будто высказывает радость о либерализме славян, в чем Леонтьев увидел отклонение от «первоначального» славянофильского учения². Из этой статьи Леонтьев заимствовал идею (точнее сказать, *формулировку* идеи) взаимного «тяготения» славянских племен³, но от себя добавил: «на рассчитанных расстояниях»⁴. В той же статье со ссылкой на рецензируемое чешское издание используется, между прочим, и выражение «разнообразие в гармонии»⁵.

Из другой статьи журнала «Беседа»⁶ Леонтьев узнал о введенном немецким юристом и политическим деятелем Робертом фон Модем (1799–1875) термине «реальные силы»⁷ и сразу ввел его в свой активный словарь⁸. Между прочим, в наше время леонтьеведы ничтоже сумняшеся зачастую приписывают эту категорию Леонтьеву⁹.

Впервые прочитав в середине 1880-х гг., по рекомендации П.Е. Астафьева, давние работы Г. Спенсера, которые прошли мимо него в 1860-х гг., Леонтьев станет охотно и в самых разных вариациях употреблять его термин «дифференцирование»¹⁰.

К рабочим терминам Леонтьева относятся «государственная форма» (7(1), 382, 389) – политическая форма, свойственная государству, неизменная

¹ Беседа. 1871. № 3. С. 219–261. Статья представляла собой рецензию на «Научный словарь» Ф. Ригера и Я. Малая.

² См. также: 7(2), 192. В первоначальном варианте об этой статье даже говорилось, что она – «самого революционного духа» (7(2), 497).

³ У Майкова было: «...славянство <...> должно не иначе объединиться, как чрез взаимное добровольное тяготение, причем возникнут два или три средоточия, около которых оно и окристаллизуется. Это будет свободный одноплеменной союз» (Беседа. 1871. № 3. С. 225).

⁴ См.: 7(2), 696. В связи с вопросом о подходе писателя к «источникам» можно вспомнить интересное наблюдение К.А. Жукова о рецепции Леонтьевым теории «туранского происхождения» русских. Леонтьев соглашается с этой концепцией, возникшей как русофобская, но меняет знаки: «...он взял расхожие рассуждения представителей современной ему западноевропейской науки <...> относительно туранского происхождения великороссов, сменил негативную оценку наличия туранского элемента в действительно смешанном великоросском племени на позитивную и затем включил этот блок в свою историософскую концепцию» (Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. СПб., 2006. С. 77).

⁵ Беседа. 1871. № 3. С. 220.

⁶ Леонтьев забыл ее автора и название, но хорошо помнил содержание. Как удалось установить, это статья И.Ф. Ковалева «Положительное направление политической мысли» (Беседа. 1871. № 4. С. 205–244).

⁷ См. подробнее: 7(2), 959–961.

⁸ См.: 7(1), 217, 255, 259, 319, 322, 382, 387, 428, 522, 536; 6(1), 174; 7(2), 91, 92; 8(1), 93–94, 410. Синонимические формулы: «неизбежные части всех общественных организмов» (7(1), 319), «политические силы» (7(1), 367), «общественно-реальные силы» (7(1), 387), «общественно-государственные силы» (6(1), 174; то же: 7(1), 537), «однородные охранительные силы» (7(2), 157). «Реальные силы» «неизбежны, неотвратимы, реально-бессмертны» (8(1), 202), но они «разнородно сопряжены и неравномерно сильны и ярки у разных наций и в разные времена» (7(1), 319); «все остается; но является только в иных сочетаниях сил и перевеса...» (8(1), 202).

⁹ См., например: *Кобелев П.С.* Философия спасения: Социально-этические идеи Константина Леонтьева. М., 2009. С. 99–102.

¹⁰ Ср.: дифференцирующая реакция (8(1), 462), дифференцирование в единстве (8(2), 81), национальное дифференцирование (8(2), 110); часто используются термины «социальное дифференцирование», «органическое дифференцирование».

в своей главной метафизической основе, «социальные организмы» (8(1), 219), «корпорации»¹.

Он часто скрещивает термины социологии с математическими и физическими. Ниже приведены примеры:

площадь пересечения социальных кругов (ср.: 6(1), 520)²

пределы колебаний

«...Сколько ни меняются политические течения, есть, однако, известные роковые пределы, за которые колебания эти целые века переступить не могут» (7(1), 449). «Эти-то пределы политических колебаний <...> обуславливаются внутренним строем этой нации, ее вероисповеданием, ее преданиями и даже вкусами, ее социальным устройством...» (Там же).

средняя диагональ социальных сил / общественного движения

Средняя «диагональ сил, по которой уже движется Восточный вопрос» (7(1), 205).

Средняя диагональ социальных сил, отклоняемая «совокупным давлением» (8(1), 127); *«средняя диагональ общественного движения»* (8(1), 129).

статика, динамика; антистатика

«Господство средних людей <...> усиливая кратковременно *социальную динамику*, – нарушает очень скоро все условия, благоприятные *социальной статике»* (8(2), 192). *Социальная статика* (8(1), 218, 255). Общественная статика (8(1), 571).

Антистатическое равенство (8(1), 332), *антистатическое ускорение* (8(1), 406).

точка насыщения

Обычно о чем-то отрицательном: 7(2), 75, 78, 134; 8(1), 91, 169, 533, 542, 591; исключение: VIII, 195. Антоним: высшая точка «величия и блеска» (ср. о монархии: 8(1), 95). Ср. *социально-статический предел* (8(1), 213).

Но: «...*черта насыщения ученым материалом...*» (8(1), 386).

«Во всем есть точка насыщения, и после этой точки, после этого предела, – реакция.

«Там, где точка насыщения есть точка вымирания или разложения, – реакция уже невозможна; там, где реакция возможна, возможно превращение, выздоровление, усиление и т.д.» (8(1), 399). Точка поворота (7(2), 134), поворот (8(1), 542), высшая точка (7(2), 176).

точка опоры

«...У него вне народа нет никакой точки опоры» (7(1), 360). Вариант: *точка коренной опоры* (8(1), 527). Ср.: 8(1), 293.

фокус

Места запасов, *фокусы* Православной силы (8(1), 293). – Точка осредоточивания силы, огня и т. д.

центр тяжести национальной (религиозно-культурной) жизни

«Центры тяжести духовной и политически культурной...» (7(2), 341; зачеркнутый вариант; 1873).

¹ Впервые термин «корпорация» применен Леонтьевым в статье «Панславизм на Афоне» по отношению к привилегированным монастырям (7(1), 213, 214). В 1880 г. Леонтьев говорит о «*всей великой корпорации, именуемой духовенством*» (7(2), 236). Прилагательное «корпоративный» впервые у него встречается в книге «Византизм и Славянство» (7(1), 368). И впоследствии, особенно в 1880-х гг., оба слова употребляются довольно часто, преимущественно рядом со словами «община» и «сословие», «сословный» или же как антоним к понятию «ассоциация» (ср.: VIII, 126; 8(1), 205). Для сравнения: в «Византизме...» Леонтьев еще употреблял слово «ассоциации» без отрицательных коннотаций (о крестьянской общине): 7(1), 320.

² См. также: 7(2), 99 (пересекающие друг друга круги с общей площадью – дворянство и интеллигенция).

«...Перенесению центра сербской тяжести из Белграда в Загреб» (7(1), 202); «центр славянской тяжести» (7(1), 209); «центр национальной тяжести» (7(1), 487).
 «свободный центр национально-государственного притяжения» (6(1), 167; то же: 7(1), 528)
 Центр тяжести государства (7(1), 370) / государственной (7(2), 142).
 «Уничтожая староверство, мы, так сказать, передвигаем хоть немного центр общей тяжести нашей справа налево» (6(1), 337).
 «...Перенести, наконец, центр тяжести нашей религиозно-культурной жизни с европейского Севера на полуазиатский Юг» (8(1), 265).
 «...Переменивши центр своей культурной тяжести...» (8(1), 562). «Не в русском народе центр тяжести – а в Православии самом» (8(2), 37). «...Перенести центр тяжести этих Восточных Дел...» (8(2), 43).

Из естественных наук черпаются не только термины, но и образность:

азот и кислород (7(2), 58).

давление

давление трех атмосфер (7(2), 25; ср.: 7(2), 91 – совокупное давление).

испаряющаяся теплота (8(1), 338).

кристаллизация

(7(1), 383; ср.: 7(1), 393; 8(1), 338; VIII, 195 – еретическая кристаллизация теплоты); «круглые, притертые взаимно голыши, вместо резких кристаллов» (7(1), 413).

механическое и химическое

механическое (всегда почти отрицательное), *химическое* (8(1), 91, 92 – отрицательное: отравление; 8(1), 395 – положительное: «перерождающее и содержание и форму»). *Механическое* (6(1), 171 (то же: 7(1), 533); 7(2), 94; 8(1), 355; 8(2), 105). Впервые: 7(1), 72 («от напора механически сильной цивилизации Запада»). Другие примеры: «механическое потрясение» (7(1), 110); «механико-юридический характер» (7(1), 344). *Механический*, а не культурный – где нет идеи (ср.: 7(2), 94). *Нейтральное употребление*: «Международная политика есть неизбежная в истории игра сил, так сказать, механических сил народной жизни» (7(1), 201); «политика есть дело механическое» (6(1), 174; то же: 7(1), 536).

*подмораживание*¹

(7(2), 73, 135; не поможет «без некоторых ретроградных реформ»). Ср.: 8(1), 38.

подогревание (ср. 8(1), 239)

тормоз (7(1), 394; 7(2), 55; 8(1), 436, 616, 617).

С естественными науками и «предметным миром» связана терминология формы / аморфности и иерархии, градативности. Из этого ряда приведу лишь несколько примеров:

аморфическое

= разрушительное (8(1), 395); морально-аморфические мысли (8(1), 335).

¹ П.Н. Милюковым (в лекции «Разложение славянофильства», 1893) подмечено, что идею «подмораживания» Леонтьев позаимствовал у Данилевского. Ср.: «Чтобы сохранить органическое вещество, не живущее уже органической жизнью, ничего другого не остается, как герметически закупорить его в плотный сосуд, прекратить к нему доступ воздуха и влажности, или же заморозить» (Данилевский. С. 289). См. об этом: Ефремов А.В. Борьба за историю: Концепция Н.Я. Данилевского в оценке современников. М., 2006. С. 79.

морфологическая эпоха (7(1), 413).

формологический процесс (7(1), 393).

градативный

«...служивших градативно новому порядку» (7(1), 307); градативная дисциплина (7(1), 441; 8(1), 467).

Сюда же примыкает и «строительная» образность:

опоры

сословия – боковые опоры для монархизма, самодержавия (8(1), 454, 468; даже и для Православия: 7(2), 90); мистика – опора для «всенародной морали» (8(1), 339).

ступени (8(2), 22).

Богатый терминологический ряд находим в обращениях Леонтьева к *социальной психологии* (8(1), 500)¹. Его занимает «историческая психология» (8(2), 133), «национальная психология» (7(1), 444, 487), психология восприятия и творчества (ср.: VIII, 294), загадки человеческой памяти. Ниже представлены лексические иллюстрации:

психическая жизнь

Психическая жизнь общества (7(1), 373).

психический / психологический закон

Психологические законы творчества (VIII, 25).

психический строй

представителей определенной нации – 7(1), 449; 8(1), 193 – о социальных группах; психический строй русских людей – 8(2), 62, 161, 162, 170, 172, 176; России – 8(2), 132, 142, 143; сербов – 7(1), 491; других наций – 8(2), 142; лиц – VIII, 188). Внутренний строй. На него влияет социальное устройство, в свою очередь, этот строй обуславливает «пределы политических колебаний» (7(1), 449).

Ср.: жизненно-исторический образ (8(2), 225).

психический тип, устойчивость психического типа (8(1), 208).

«вековая устойчивость бытового типа, общего духа, который меняется медленно» (7(1), 449).

психический характер

Психический характер нации (7(1), 422). Национальный психический характер (из первоначального названия одной из статей; см.: 7(2), 714). <Позже переделывает на «психический строй».> Внутренний, социальный характер племени (7(1), 490).

психическое содержание

Психическое содержание (восточного мира) (7(1), 488).

психические / психологические запасы / ресурсы

психологические ресурсы нации (ср.: 7(1), 482).

психические запасы обществ (8(1), 218).

психические привычки / навыки / потребности

Лично-психические черты (3, 8); *психические привычки* (7(2), 206); исторически приобретенные душевные навыки (8(1), 470); психические навыки (монашества) (8(2), 157). Социальные типы со своими душевными навыками (8(1), 464). Психические потребности высшей цивилизации (7(1), 462).

Ср.: *культурные привычки* (7(1), 352). Известные понятия и формы дисциплины (7(2), 141).

¹ Ср.: тонкости социальной психологии (8(2), 133).

«...Вековая устойчивость бытового типа, общего духа, который меняется медленно...» (7(1), 449).

В этом же контексте Леонтьевым употребляется понятие «предание»: *предания* – то, что «созидает нации... что их единит, ведет к победам, славе и могуществу» (7(2), 11; ср.: 8(1), 123: объединяют «веру и племя»). «...От тех суровых, но крепительных преданий, которые создали ее» (7(2), 37). Есть предания и привычки, на которые можно возлагать «охранительные надежды» (8(1), 127); аристократические предания (7(1), 364), исторические, военные (7(1), 365), крепкие сословные (7(1), 438), священные (7(1), 519), национальные (7(2), 195); «потребности, роды воспитания, привычки, вкусы, идеалы» (7(1), 478); византийские «уставы, понятия, вкусы и обычаи» (7(1), 395), «*быт, чувства, идеалы, вкусы*» (7(2), 30); «*вековые привычки и предания независимости*» (8(1), 292); сословные и корпоративные предания (8(1), 128); вековые сословные предания (8(1), 463), «великие предания» Греческих Церквей (8(2), 165). «...Множество... таких *душевных навыков, преданий, вкусов и даже полезных предрассудков*» (8(1), 455). Ср.: 8(1), 616. Политические здания (государства) «держатся прочно лишь на *отвлеченных принципах верований и вековых преданий*» (7(1), 519).

психические условия

Психические условия (8(1), 363), таинства психического развития (8(1), 387).

Все это – описание «статики», отдельный ряд состоит из терминов «динамических»:

психомеханика

Психо-механика (Толстого) (VIII, 286). Государственная психо-механика (7(1), 557; в 1879 г. было просто «механика», см.: 7(2), 444).

Социальная психомеханика (8(1), 212). *Социальная механика* (8(1), 215). – Имеются в виду трансформации социальных групп и т. п. (Ср.: механика политическая, 6(1), 174; то же: 7(1), 536).

Психо-механический и статико-социальный вопрос (8(1), 218).

историческое / социальное воспитание

Историческое воспитание (7(1), 321, 352, 353, 357; 3, 8). «...Впечатления исторического воспитания» (7(1), 357).

Сословное воспитание нации (7(1), 357, 358, 364 – 2 р.). Аристократическое (7(1), 359, 364), монархическое воспитание (7(1), 359). Нравственное воспитание (7(1), 360).

духовная телеология

Духовная телеология (8(2), 112), «невидимая телеологическая связь» (8(2), 113). Телеологическая логика (Там же).

психологическое действие

Психологическое действие (8(2), 113), психологические последствия (8(2), 114), исторические плоды.

К общепринятым терминам «национальные основы государственного быта» (7(2), 157), «общественный идеал» (7(2), 138), «культурное влияние» (7(1), 353), «социальные группы» (8(1), 169) Леонтьев добавляет удивительные неологизмы вроде грецизма «какопсихия» (VIII, 305; от *греч.* *какос* дурной).

Для бывшего медика естественно прибегать к медицинской образности и терминологии. Кроме постоянно вспоминаемых примеров из «Византизма и Славянства» (7(1), 375–377) можно указать следующие:

7(1), 384, 387–388, 389, 394–395, 423, 429–430; 7(2), 12, 14, 19, 60, 142, 252 (холера, гангрена, сухотка; прорезывание зубов и т.д., худосочие, язвы, чумное

веяние); VIII, 203; 8(1), 189, 584–585). Крестьянская реформа: «рискованное, но вместе с тем и спасительное привитие искусственной болезни для предотвращения несравненно более опасного естественного недуга» (8(2), 46).

Даже слово «процесс» Леонтьев употребляет именно в медицинском значении. Ср.: «Во всех открылся эгалитарный и либеральный процесс» (7(1), 392). См. также: 7(1), 413. Признание Леонтьева в том, что его гипотеза «имеет <...> значение более семиологическое, чем причинное (чем этиологическое)» (7(1), 421), было подхвачено Астафьевым, и потом признано в ответе ему Леонтьева (8(2), 135).

Характерны для Леонтьева природно-климатические метафоры¹, а также «хозяйственная» образность – к примеру, образ красильни: «лица» окрашиваются в «корпорациях», сословия окрашивают друг друга.

«...Еще можно было надеяться, что эпические части народа у славян дадут свою окраску прогрессивным...» (7(1), 371). Но оказалось: «Вообще напрасны надежды на простой народ, не он в течение времени окрашивает высшие слои, но эти высшие слои везде одинаково влияют на низшие» (7(1), 462). «...*Не народ слиняет, так сказать, на нас своими яркими национальными цветами...*» (7(2), 160). При бессловном строе «смещение классов, подвижность слоев и кругов общественных становятся так велики, что лицам нет почти возможности выдерживаться долго в сословной или общинной окраске своей» (8(2), 22). «Особенности же сословной, религиозной, провинциальной, общинной, цеховой и т. п. окраски и выработки при таком строе скоро пропадают» (Там же).

Кстати, может быть, и любимое Леонтьевым слово «выдержка»² тоже связано с этой идеей социальной красильни. Ср. в глагольном словоупотреблении: «Чем эти низшие власти были воспитаны и выдержаны, как не долгой Иерархической дисциплиной...» (7(1), 324–325). Можно привести и другие примеры «хозяйственной» образности, тоже относящиеся к проповеди формы и дисциплины: позднейший образ «стягивания» (подобного стягиванию бочки; ср.: 7(2), 142): «стянуть, расслоить и этим дисциплинировать» (8(1), 360) или образ «столярный»: «постепенное подвинчивание и сколачивание» (7(2), 134).

О метафоре почвы у Леонтьева прекрасно писал С.Г. Бочаров³. Ниже приведены примеры, иллюстрирующие богатство эпитетов к лексеме «почва» и все богатство этого концепта:

Прозаическая («Наше общество и наша изящная литература», III), чужая (7(1), 91), мещанская (7(1), 97; о Западе), народная (7(1), 101), национальная (7(1), 101; 8(1), 557; 8(2), 44). Возвращали к «почве» (7(1), 102; см. еще с. 121); «...где почва своеобразна и глубока даже в незаконных своих произведениях» (7(1), 109–110). Роскошная (7(1), 120). Почва, где родился и вырос византизм (7(1), 302). Две различные почвы (7(1), 303). Сложная

¹ Таяние и гниение (7(1), 384; 8(1), 360); гниение (7(1), 393, 413, 415, 430; 7(2), 73); таяние (7(2), 61, 135; 8(1), 595); туман (7(1), 373 – приятный туман); выветривание и подмывание (7(2), 8; ср.: VIII, 189); огненное тление (7(2), 61); тихое и медленное тление (7(2), 187); жара, прохлада, холода (7(2), 24, 72).

² Напомню и его синоним из другого образного ряда: *выправка*. У славян «нет в характере той долгой государственной выправки, которую дает прочное существование национальной популярной Монархии» (7(1), 365). Не боится Леонтьев даже «псарского выражения» «высворил» (7(1), 442).

³ Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. С. 267.

европейская, западная (7(1), 304), расшатанная, полусгнившая (7(1), 308; о Византии), русская (7(1), 313; 8(2), 145), холодная протестантская (6(1), 254), великорусская (7(1), 437), нейтральная (7(1), 368). Реальная почва «равнодушного исследования» (7(1), 408). Реальная почва (7(1), 503); реальная почва действия (7(1), 508); удобная для действия (6(1), 170; то же: 7(1), 532). Разнообразная (7(1), 411–412), новая (7(1), 417), вторично смешанная, уравненная (7(1), 427), религиозная (7(1), 429) и лжерелигиозная (7(1), 460). Почва ровнее (7(1), 437). Подвижность (русской) почвы (7(1), 438). Однообразная, более русской, греческая (7(1), 461). Духовная, психическая (7(1), 487), священная (7(1), 503). Почва (Турции) (7(1), 509) Историческая (7(2), 7). Не твердая (7(2), 99; «усилить еще вдесятеро *подвижность* нашей почвы, и без того не слишком твердой теперь»). Легальная почва мирного прогресса (7(2), 110). Так называемая легальная (7(2), 119). На почве учреждений... на почве новых учреждений (7(2), 123), на почве либеральных учреждений (7(2), 124). Размягченная (7(2), 166), глубоко-расчищенная (7(2), 173). «На почве действительности» (VIII, 198). Политическая, религиозная (VIII, 208). Разрыхленная кровью (8(1), 125), нетвердая, подвижная (8(1), 126), разрыхленная, рыхлая (8(1), 158, 523, 531, 542; 8(2), 14), однородная, не новая (8(1), 187). Старая почва (8(1), 191). Старая великорусская (8(1), 238; 8(2), 44, 58) – она была «густа и неподатлива в своих особенностях», веками устоявшаяся и с «оригинальными испарениями» (8(2), 44). Жалкая почва Балтийских берегов (8(1), 239). Новая, нам сродная, родственная (8(1), 239; 8(2), 58; на Босфоре). Песок (8(1), 124, 456, 571). Социальная почва (8(1), 254, 526–2 раза, 531, 552). Почва и орудие (8(1), 322). Держаться ближе к почве (8(1), 332). Современная почва (8(1), 334). Смешанная, зыбкая (8(1), 455), эгалитарная (8(1), 456), слишком уравненная почва (8(1), 515). Умственная (8(1), 433), общественная (8(1), 455, 523). На почве социализма (8(1), 536). Почва новая, разрыхленная реформами (8(1), 542, 621). Ближе к почве (8(1), 630). Общая почва (8(2), 11; одна и та же – 7(1), 90). Вероисповедная, племенная (8(2), 43). На западной почве уже ничто «*мистически оправданное* и *органически усвоенное*... произрасти не может» (8(2), 48), не пригодная к религиозному монархизму (8(2), 49). Христианская почва (8(2), 82). На почве гипотезы (8(2), 88). Народная (8(2), 95). Почва Православия (8(2), 115). *Лично-религиозная* (8(2), 147). Чистая народная и более смешанная (8(2), 168).

Упомянется, хотя и редко, естественно, и «почва» в прямом смысле слова (7(1), 454; 8(1), 631).

Терминологическое значение приобретала у Леонтьева даже бытовая лексика. Например, он любил выражения «отрицательная польза» (7(1), 316; о романе Чернышевского), «косвенная польза». Последнее употреблялось им не в значении «побочная», но в двух других: 1) незаметная польза (6(1), 175, то же: 7(1), 537); 2) польза «отрицательная», но обращаемая ко благу (ср.: 7(1), 120–121; 6(1), 338; 7(2), 165; 8(1), 252, 318; 8(1), 458). К примеру, Вл. Соловьев своей статьей дал возможность теперь ему возражать (8(1), 316), польское восстание способствовало сплочению русского народа и т.д. Косвенно полезными оказываются даже ненавистные Леонтьеву железные дороги: «...ежели бы их не было, не пришлось бы бежать сюда (в Оптину пустынь. – О.Ф.) от их последствий»¹. Надеюсь, что эта главка тоже принесет кому-нибудь хотя бы косвенную (на этот раз в смысле «незаметную») пользу.

¹ ИРЛИ. № 1418. Л. 77 об. (слова Леонтьева, записанные И.Л. Леонтьевым-Щегловым по памяти, уже после смерти мыслителя).

Из Главы второй.

Гептастилизм, учение о новой восточной культуре

Предыстория

«...Я всегда опережал как-то окружающую „среду“, – говорил о своей молодости Леонтьев, – и мои *тогдашние* идеалы и вкусы были ближе, увы! к *либерально-современным*, чем к *нынешним* моим же...» (6(1), 366). В студенческие годы он близок «к печальным, но изящным идеалам 40-х годов» (6(1), 11), определяемым им как европейское плодотворное «разочарование»¹. Он и сам живет с «острой болью юношеского разочарования», в «тоскливом *субъективизме*» (6(1), 364, 367), а точнее – еще только учится жить «по книгам», проходит «через период совершенного охлаждения» (VII, 32). Его мировоззрение определяется тогда «готовыми, ясными европейскими идеями и вкусами» (6(1), 9). Нужно не забывать, кроме того, что он был студентом-естественником², у которого, правда, не прерывалась «связь сердца» с идеалами предков (то есть идеалами Александровской эпохи) (6(1), 366).

Первый период своей литературной деятельности (до 1858–1859 гг.) Леонтьев позднее характеризовал как «*искажение таланта научно-философскими ухищрениями мысли*» (6(2), 277). К этому времени может быть отнесено определение, примененное С.И. Бажовым к основам мировоззрения Н.Я. Данилевского: «сплав установок на рационально-научное постижение действительности и глубоких романтических интенций»³. Леонтьев изучал «Кювье и Гумбольдта» и «чуть ли не думал внести в искусство какие-то *новые формы*, на основании *естественных наук*» (6(1), 68). Для тех лет это опережающая время тенденция.

Перелом эстетических (а вслед за этим и политических) воззрений произошел у Леонтьева не в 1862–1863 гг.⁴, даже не весной 1861-го, как думает исследователь его ранней «интеллектуальной биографии», основываясь на статье о Марко Вовчок, в которой критик смеялся над «паразитством мысли» «всех этих друзей прогресса» (VIII, 17)⁵, а, пожалуй, еще в 1860 г.

Когда Леонтьев в 1860 г. только начинал работу над статьей о замечательной украинской писательнице, он еще думал, что Д.В. Григорович коротко знаком «с крестьянским языком и бытом», а Тургенев обладает «глубоким и высоко поэтическ<им><чувством> и изящ<ством>»⁶, но в *том же году* многое было им пересмотрено. Например, те же «Записки охотника», которые в юности он «ставил <...> гораздо выше „Мертвых душ“» (VIII, 310), теперь, в статье о Турге-

¹ Ср.: 6(1), 10.

² Ср.: «...при всей глупой и грубой „реальности“ моего мировоззрения как *медицинского студента*...» (6(1), 367).

³ Бажов С.И. Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997. С. 25.

⁴ Сам Леонтьев называет 1862 год, но скорее уже как время, когда кризис был пережит и определилось новое воззрение: «...Я уже с 62 года (30 лет) – отступался с ужасом от либерализма, которому поклонялся с 18 лет под влиянием Ж. Занда, Белинского, Тургенева и т.д. – Поклонялся его сердечным и благородным сторонам – *не понимая* еще (до 28–29 лет) ни глубокой анти-государственности его; ни *прозаических* последствий того „смещения“, без которого либерализм не может быть *практикуем*» (Агеев К., *свящ.* Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909. С. 294; исправлено по автографу, хранящемуся в частной коллекции).

⁵ Хатунцев С.В. Константин Леонтьев: Интеллектуальная биография. 1850–1874 гг. СПб., 2007. С. 81.

⁶ Из наброска «Критика. 1860» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 35 об.).

неве, Леонтьев оценивает совершенно иначе, отмечая, что они «в деле зрелой красоты» уступают тургеневским же «Рудину» и «Дворянскому гнезду» (VIII, 4).

Отношение к России и русской истории менялось медленнее. В цитированном выше наброске к статье о Марко Вовчок говорится: «Нельзя не согласиться, что наша жизнь сама по себе вяла и не богата драматическим разнообразием...», а дальше наша история названа «довольно скудной» по сравнению с «богатыми западными»¹. Но уже в 1863 г. все будет иначе: Леонтьев станет горячо доказывать, что наша жизнь много прекраснее, даже поэтичнее, чем наша литература². Его знамя – «положительность», «теплое отношение» к жизни³, «поэзия действительности» (8(1), 299). «Да здравствует жизнь!.. Жизнь как она есть...» – восклицает один из его героев (5, 79). Радикальное («отрицательное») направление представляется Леонтьеву теперь прежде всего «односторонним»⁴, плоским. Только в одном он еще остается близок порицаемой им «натуральной школе»: его продолжает интересовать «физиология общества»⁵.

Еще в студенческие годы Леонтьев «мечтал <...> найти в физиогномике или в какой-то Физиологической психологии исходную точку для великого обновления человечества, для лучшего и более сообразного с „натурой“ людей распределения занятий и труда» (6(1), 356)⁶, «думал, что со временем» укажет «людям возможность „устроить общество“ на прочных физиогномических основаниях, справедливых, незыблемых и „приятных“» (6(1), 362). Что-то вроде такого справедливого и «приятного» общества (его остатки) он потом обнаружит на Крите, у греков, наших «братьев по истории» (3, 12)⁷. В этих упованиях Леонтьева на физиогномику современный исследователь справедливо усматривает «заметную склонность к социальному утопизму»⁸.

В дальнейшем литератора-«естественника» постигнет разочарование. Он придет к мысли, что науке не надо «поклоняться». Ее нужно знать, «для того чтобы стать выше ее, – стряхнуть с себя ее иго» и сделать науку оружием «против всех этих господ, которые хотят обратить мир в сеть железных дорог и убить в нем все горячее...» (8(2), 185).

¹ Из наброска «Критика. 1860» (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 35).

² Это пафос опубликованной в либеральном «Голосе» статьи «Наше общество и наша изящная литература». Та же мысль и в письме-мемуаре об Ап. Григорьеве (1869), и в «Византизме и Славянстве»: жизнь и история России, по крайней мере со времен Петра, богаче, сложнее, поэтичнее современной истории Франции (ср.: 7(1), 310).

³ Ср.: 6(1), 7–8. И он, вслед за Ап. Григорьевым, Писемским, Островским, начинает «ближе всматриваться» в «русскую жизнь» (6(1), 9).

⁴ Ср.: 6(2), 271, 275.

⁵ Голос. 1863. 15 марта. № 63. С. 249. Ср.: 6(2), 275.

⁶ Он увлекался тогда френологией, наукой о связи между психологическими особенностями человека и наружной формой черепа, и пытался постичь «психическое значение <...> всей архитектуры человеческого тела» (6(1), 358).

⁷ Крит, где Леонтьев прослужил в 1863–1864 гг. семь месяцев секретарем консульства, оставил в его памяти впечатление самое яркое, с которым соперничал потом разве что Эпир. Посмотрите: это или место действия («Очерки Крита», «Хризо», «Хамид и Маноли», «Сфакиот»), или в произведении есть отзвуки Критского восстания 1867 г. Например, в повести «Пембе» паша говорит протестующим: «Я докажу, что здесь не будет Крита!» (3, 143). Но есть и другой пример: в «критском» рассказе «Хамид и Маноли» есть сравнительная отсылка к янинской жизни и в конце – песня, принесенная из Эпира (3, 150, 170–171). Эпир – место действия в «Пембе» (Янина), «Паликаре Костаки» (маленький городок, подчиненный Янинскому вилайету), «Аспазии Ламприди» (эпирский городок Рапеза), родина рассказчика в «Капитане Илия». Энциклопедия Эпира – роман «Одиссей Полихрониадес».

⁸ Хатунцев С.В. Константин Леонтьев. С. 59.

Разминовение с «духом века» началось у Леонтьева из-за «стилистических» (воспользуемся литературной аллюзией советской эпохи) «разногласий»: «Утилитарные взгляды корифеев шестидесятых годов на искусство <...> оскорбили сильно в нем развитое художественное чувство. В ответ им изобрел он собственную теорию: эстетика есть основа человеческого бытия и непогрешимое мерило исторической правды. Теорию эту прилагал он к окружающим явлениям и руководствовался ею в сношениях с людьми»¹.

Новый идеал тогда «не был еще ясен» (6(1), 10), за исключением того, что главное – это своеобразие (ср.: 6(1), 8, 12), согласно позднему (1884 г.) определению – «идеал культурной и бытовой независимости» (6(1), 528)². «Каково бы ни было направление, лишь бы окончательная форма его была *своя, наша* и дышала бы силой!» (6(1), 15). В духе Дж.Ст. Милля, которого Леонтьев в 1862 г. даже переводил, он проповедует «развитие индивидуальности» (и для людей, и для государств) и испытывает отвращение к «казенному», к «общевропейской пошлости» (6(1), 17), а также к «умеренным прогрессистам», которые, как он будет говорить позднее, «хуже революционеров и нигилистов» (8(2), 186).

На новые воззрения Леонтьева влияет одновременно и патриотическая волна в период польского восстания³, и парадоксальным образом, чтение Герцена, который, как полагает современный исследователь, повернул Леонтьева «лицом к славянофильству» своими обличениями «западного мещанства»⁴. «Отклониться по возможности от того пути, который ведет к размножению этих средних людей и к господству их, сохранить (а если можно, – то и *создать*) наиболее разнообразные пути для развития человеческого; – вот о чем я мечтал тогда для России...» (8(2), 155).

Весной 1863 г. для одной из своих критических статей (к сожалению, утраченных) он выбирает вызывающий псевдоним «Обскурантов»: «Письмо Обскурантова к Е.В. Базарову»⁵ по поводу „Казаков“ гр. Толстого» (6(2), 266).

В набросках к главе «Жизнь в Турции» в задуманной книге о Леонтьеве о. Иосиф Фудель так отвечает на вопрос: «С каким багажом поехал К. Л<еонтьев>в... в Турцию?»:

1.) С запасом эстетических вкусов, твердо установившихся, или, вернее сказать, прирожденных. <...>

2.) С запасом идей политических и культурно-исторических»⁶.

В этом «багаже» значительное место занимали культурно-исторические идеи славянофилов.

¹ Карцов Ю.С. Хроника распада. К.Н. Леонтьев и М.Н. Катков // Новый журнал. 1980. № 138. С. 113.

² У России, будет заявлять Леонтьев в 1880-х гг., должно быть «все или хоть очень многое *свое*, хотя бы и вовсе не демократическое, *но свое*...» (8(1), 39).

³ Герой одного из его автобиографических романов говорит о себе: «Я читал „День“ и чувствовал, что становлюсь с каждым часом (да! с каждым часом) больше и больше русским» (5, 168).

⁴ Хатунцев С.В. Константин Леонтьев. С. 97–98. С.В. Хатунцев также замечает: «...нельзя сказать, что Леонтьев *заимствовал* у Герцена выработанные им взгляды на западное мещанство. Скорее, благодаря его влиянию он осознал и сформулировал *свою собственную*, основанную на оригинальных эстетических установках, точку зрения на данное явление в целом» (Там же. С. 84).

⁵ Самого Базарова Леонтьев в другой своей статье находил «лицом хотя и жестким, но в высшей степени трагическим, сильным и блестящим» (Голос. 1863. 15 марта. № 63. С. 249).

⁶ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1046. Л. 44.

«Славянофильский» период, первые иллюзии, их преодоление и «кристаллизация» собственных идей

«...Учеником славянофилов в настоящем значении слова Леонтьев не был, – справедливо полагает С.В. Хатунцев, – т.е. усвоил он не всю систему славянофильских взглядов, а лишь отдельные ее стороны, дав им к тому же свое собственное истолкование»¹. Но при этом в его творчестве период, условно говоря, славянофильский выделяется отчетливо. Несмотря на собственные позднейшие заверения в плохом знакомстве (до последних лет) с трудами старших славянофилов, Леонтьев, вероятно, все-таки имел представление о них. Не случайно ведь в записке 1865 г. «О необходимости литературного влияния во Фракии» он перечисляет сочинения А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, А.Ф. Гильфердинга и журнал «Русская беседа»². В политических вопросах Леонтьев был в 1860-х гг., как он писал позднее, «просто учеником Хомякова и единомышленником Данилевского» (8(2), 222).

Ко второй половине 1860-х гг. основной интерес Леонтьева – «постичь во всей ширине историческое призвание России» (6(1), 14). И помогает в этом даже географическая удаленность от объекта познания: «Вдали от отчизны я лучше вижу ее и выше ценю» (там же). Восточная жизнь, признается он, «вообще уясняет во многом поразительно взгляд и на Россию»³.

Процитированные выше строки написаны в албанской Янине, но первым местом, где Леонтьев получил досуг для своих размышлений о призвании России, была Тульча, куда он приехал 1 августа 1867 г., получив назначение вице-консулом в этот городок на Нижнем Дунае.

В.И. Кельсиев, побывавший в Тульче незадолго до того в качестве «эмиссара Герцена», вспоминал: «Край глухой, хаты тонут в персиковых садах; бесчисленное множество мельниц с утра до вечера машет крыльями, сектантские напевы звучат; семь, восемь разных языков слышится на улице <...>. Все тихо, дико, никакие идеи сюда не забирались <...>. Кругом все пусто <...> воли со всех сторон мычат <...> камыш шумит, глухо...»⁴.

Тульча, Галац, Измаил, – эти города напоминали Леонтьеву Россию. Порой здешние места и называли Дунайской Русью. Старую Русь принесли сюда и беспрепятственно сохранили бежавшие «к турчину» от новой, Петровской, России старообрядцы-некрасовцы⁵. Измаил, столько раз то взятый русскими войсками, то снова отданный туркам (последний раз до прибытия Леонтьева в Добруджу он был возвращен Турции по решению Парижского конгресса в 1856 г.), вообще напоминал то ли Калугу, то ли Юхнов. Даже «русские полосатые, казенные столбы» здесь еще не успели перекрасить (6(1), 455). «Я дома, дома...» (6(1), 457) – так Леонтьев позднее описывал ощущение, пришедшее к нему в первый же день, что он провел в этой Дунайской Руси.

«Служить добросовестно можно везде; но если на каком-нибудь посту чувствуешь себя *более дома*, чем на другом, то служба только выигрывает от этого», –

¹ Хатунцев С.В. Константин Леонтьев. С. 117. «Самой существенной» стороной славянофильской мысли Леонтьев считал мысль «о русском культурном обособлении от современного Запада» (8(2), 227).

² Россия и болгарского национально-освободительного движения 1856–1876. София, 1990. Т. 2. С. 214–215.

³ Письмо к Н.Н. Страху от 26 октября 1869 г.; цит. по: 7(2), 553.

⁴ Кельсиев В.И. Пережитое и передуманное. СПб., 1868. С. 331–332.

⁵ Еще в начале XX в. турки продолжали называть их «игнат-казак», по имени донского атамана Игната Некрасы, одного из предводителей Булавинского восстания 1707–1708 гг., который увел верных ему казаков сначала на Кубань, а затем, уже в 1740 г., переселился с ними в Добруджу.

писал Леонтьев из Тульчи своему непосредственному начальнику, послу России в Константинополе гр. Н.П. Игнатьеву¹. На новом месте дипломатические таланты Леонтьева, уже в адрианопольский период замеченные и в посольстве, и в Петербурге, продолжали раскрываться все ярче, чувствовал он себя хорошо, все удавалось, и ему казалось, что лучше места для него и быть не может. 23 августа 1867 г. Леонтьев признается в письме к своему другу К.А. Губастову: «...я желаю одно – свить навек мое гнездо в Тульче. <...> Здесь есть и движение, и покой, и восток, и запад, и север, и юг; встречи беспрестанны на Дунайских пароходах; можно устроиться помещиком, как в деревне; здесь и Россия, и Молдавия, и Турция, и Австрия, и простор деревенский, и вместе с тем как бы в центре Европы. Прелесть!»².

Пребывание в Тульче оказалось недолгим, но многое перевернуло в «литературной судьбе» Леонтьева. Именно во время службы на Нижнем Дунае в нем пробуждается не только художественный и политический (по долгу службы), но и аналитический интерес к греко-славянскому миру. Он понял, что Тульча только поверхностному взгляду вечно спешащего европейца может показаться глухим и сонным местом. И этот город, и вся Добруджа (область, к которой принадлежит Тульча) – уникальный перекресток, где встретились и волей-неволей соседствуют славянские, романские, тюркские, эллинские племена и религиозные общины со своими яркими национально-культурными особенностями. Здесь, писал Леонтьев в первой статье из цикла «С Дуная» (1867), можно понять, «многое, чего не понять <...> ни дома, ни в Европе» и увидеть «образцы всего, чем живет наш век». Здесь можно прочесть «отрывки из таких страниц, которые редко сшиваются вместе...» (7(1), 49). Более подробно об этом говорится в позднейшем мемуарном очерке «Мой приезд в Тульчу» (1883):

«В то время <...> и в самом главном городе, и во всей Добрудже <...> население было очень разнообразно: турки, татары крымские, черкесы, молдаваны, болгары, греки, немцы-колонисты, русские нескольких родов: великоруссы-староверы (некрасовцы или липоване), великоруссы-православные, молоканы (также всё великоруссы; их зовут там иногда немояками), малороссы (их называют на Дунае обыкновенно русскими, а великоруссов чаще обозначают именем той секты, к которой они принадлежат).

Я и тогда еще, размышляя об этом живом этнографическом музее, который меня окружал, часто говорил себе вот что:

– Вот куда бы приехать русскому ученому, серьезному, беспристрастному, чуждому всякого духа партий, умному, с широким воображением и с привычкой к неизбежному мелкому труду, и без всякой либеральной тенденции изучить образ жизни этих вероисповедных, национальных и племенных образчиков или обломков, приютившихся здесь, близ устьев великой реки, под одним и тем же небом, в одном и том же климате, на одной и той же почве (почти одной и той же), под одною и тою же турецкою властью.

Да! под одною и тою же властью – вот что особенно важно в наши дни разрушительных и сентиментальных тенденций. <...>

Не любопытен ли был бы такой этюд, научный и живописный в одно и то же время, глубокий по задаче и полезный по неизвестным еще выводам?» (6(1), 453–454)³.

¹ Цит. по: 6(2), 483.

² Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 193.

³ Сравните в статье «Грамотность и народность»: «В этой турецкой провинции живут под одним и тем же управлением, на одной и той же почве, под одним и тем же небом: турки, татары, черкесы, молдаване, болгары, греки, цыгане, евреи, немецкие колонисты и русские нескольких родов <...>. Если прибавить сюда и берега Молдавии, которые так близки <...> то этнографическая картина станет еще богаче...» (7(1), 90–91).

Именно здесь у Леонтьева возникает намерение серьезно изучить, сопоставить национально-социальную психологию всех многочисленных обитающих в Добрудже народов. Этот замысел лишь отчасти воплощен в начатой здесь в 1868 г. статье «Грамотность и народность»¹ и в тексте, который претерпел сложную творческую историю, – составлял некогда часть первого варианта «Византизма и Славянства», выделился в статью «Национальный психический характер русских, греков и юго-славян», а в 1877 г. был дополнен, переработан и теперь известен как статья «Русские, греки и юго-славяне. Опыт национальной психологии»².

На Востоке, в этом «живом этнографическом музее», Леонтьев (начиная еще с первых дней на Крите) изучал все, «и хорошие, и дурные плоды» (3, 185–186), не исключая даже манеры «принимать и угощать гостей» (7(1), 455), и каждая черточка пригодилась потом в анализе «национальной психологии». Попутно он по-новому видел и свою родину, слыша от греков и славян, что в России есть церковное благочестие: «...там монастыри многолюдны, и не могу изобразить вам отраду для православного человека, когда видит он этот неизмеримый край, который Бог сохранил для нашего спасения...» (3, 274; ср.: 3, 332).

Итак, в греко-славянских землях Турции Леонтьев предается славянофильским мечтам. Залогом высокого положения России в мире он считает ее своеобразие, «пышность» ее «составных частей» (6(1), 22)³. Он верит, что славяно-русская культура «одна только в силах обновить историю» (7(1), 93)⁴, что Россия, выработав своеобразную культуру, «со временем может обновить несомненно стареющий мир» (7(1), 118). В журнальном варианте статьи «Грамотность и народность» от лица чехов говорится: «Русские обязаны не только для себя, но и для всех нас сохранить свою физиономию и даже стараться создать новое русское или славянское из данных им свыше начал» (7(2), 340). С Европой, полагает он, нужно жить в мире, но в «культурном» отчуждении» (6(1), 515).

Леонтьев думает тогда, что России всё идет на пользу, в том числе и реформы. «Бесцветная и безвкусная, но видимо полезная (за неимением другого) вода всеобщего просвещения только подняла и укрепила русские всходы, поливая наши, нам самим незнакомые поля» (7(1), 99)⁵.

«Наше главное призвание, – декларирует он, – противопоставить бесцветной буржуазной прозе Запада – поэзию новой, русской жизни, разнообразной и богатой» (7(1), 59)⁶. Совершенно в духе славянофилов и почвенников Леонтьев ждал тогда «славянского творчества» (Там же). И думал он не только

¹ Задумана же она могла быть и еще двумя годами раньше: наиболее ранние цитируемые в статье источники, как удалось установить, – это корреспонденции «Голоса» 1866 г.

² Впервые опубликована в «Русском вестнике» (1878. Т. 133, № 2. С. 747–788). Статья эта, как часто случалось в жизни Леонтьева, долго странствовала по редакциям: была отвергнута после многих проволочек и М.Н. Катковым (позднее все-таки принята им), и князем В.П. Мещерским, и Д.И. Иловайским. В 1878 г. – во время войны – она стала более понятной русскому читателю, чем могла бы быть еще несколько лет назад.

³ Ср.: 7(2), 339.

⁴ В черновом варианте письма к гр. Игнатьеву (май 1868 г.) Леонтьев рассказывал о своих планах, статье на французском языке, то есть адресованной европейцам: «...письмо к Дж. Ст. Миллю под заглавием „Что такое Россия и Славянский мир и почему Россия может дать миру то, чего уже Запад не <может> дать“» (ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 4 об.).

⁵ См. также: 7(2), 563.

⁶ Главное слово здесь – «поэзия». (Тут вспоминается реплика о. Климента (Зедергольма): «...ваша любовь к поэзии <...> вредит вам...» (6(1), 336).) Действительно, поэзию Леонтьев видит повсюду, даже «и в морали евангельской, и в богослужении православном, и в учении аскетическом» (8(1), 431).

об освобождении славян и о государственном-политическом обособлении: «Государственное обособление наций драгоценно для всякого, кто желает для человечества *истории*, т.е. *развития*, соединенного с известной долей благоденствия, и не одного тупого благоденствия» (7(1), 79). «Своеобразие» он уже тогда понимал как обособление *культурное*¹. «...Нечто совсем особое, напри<ер>, создание и развитие *своей культуры* на всех, по возможности, поприщах независимой от европейской, на нее непохожей...» (8(1), 238).

Хотя Леонтьев замечал и свою отъединенность, непохожесть ни на «московских славянофилов», ни на петербургских «почвенников»², он тем не менее видел в себе их соратника и призывал к сплоченности: «...цель же наша общая <...> так высока и план так обширен, что всякий помощник должен быть дорог. – По-моему, мы не должны даже стоять очень строго за оттенки; – мы служим не какой-нибудь презренной практической партии à l'anglaise³, мы Предтечи Великого Славянского будущего; мы слуги учения столь широкого, что оно неизбежно должно распасться на ветви; но ветви этого учения должны обнять всю Россию и потом всех славян»⁴.

Сам тон процитированного письма свидетельствует о том, что этот период для Леонтьева – время бодрости и успехов. Но в это же самое время у него появляются и первые сомнения в осуществимости радужных надежд. Он прекрасно видел, что «даже и *теоретически* наше общество еще не доросло до настоящего русизма, не говоря уже о практических его приемах» (7(1), 120), и в очерке об Ап. Григорьеве у него вырвалось восклицание: «Россия, дорогая Россия, неужели ты не дашь пышную эпоху миру<...>? Неужели ты перейдешь прямо из безмолвия в шумное и безличное царство масс?» (6(1), 15)⁵.

Тогда же, в 1869 г., он впервые формулирует свои расхождения со славянофилами и почвенниками, например в вопросах этики. Посылая в «Зарю» статьи о Григорьеве и «О женщинах» (последняя утрачена), он объясняет Страхову: «Об Аполлоне я выбрал форму письма, чтобы более отклонить от *Вашей осторожности* ответственность за *иные дерзости*»⁶. Славянофилы представляются ему благодушными мечтателями. Ему кажется, что славянофилы даже не приукрашивали народ, не создавали его «идеализированный портрет», а просто «рисовали себе свой собственный идеал русского человека»⁷.

Леонтьев считал, что славянофилами («и отчасти Герценом») идеал культурного своеобразия был очерчен лишь «слегка и туманно», а «научно-точное выражение» нашел «в монументальной книге Данилевского» (8(1), 238). Знакомство с книгой «Россия и Европа» (1869) знаменует важный поворот в творческой биографии Леонтьева.

¹ «Я Славянофил *культурный*, а не *племенной* – вот и все...» – писал он в 1888 г. (8(2), 225). «...Сердцевину леонтьевской историософской системы составляет принцип культурности как основы национального развития» (Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. СПб., 2006. С. 95).

² Это можно было бы продемонстрировать хотя бы на примере своеобразного отношения Леонтьева к войне.

³ На английский манер (*фр.*).

⁴ Письмо Страхову от 26 октября 1869 г.; цит. по: 7(2), 554–555. Это письмо Страхов читал «весьма внимательно, перечитывал Кашпиреву (издателю «Зари». – О.Ф.), Данилевскому <...> и другим» (цит. по: 7(2), 558).

⁵ Так будет и дальше. Леонтьев то верит в «свежесть русского ума» (7(2), 21), то заявляет: «Национальные свойства великорусского племени в последнее время стали если не окончательно дурны, то по крайней мере сомнительны» (8(1), 32); то предчувствует «ужасный исход», то у него «оживляются надежды» (7(2), 159).

⁶ Цит. по: 6(2), 261–262.

⁷ Письмо к Страхову от 12 марта 1870 г.; цит. по: 6(2), 267.

Исследователи, писавшие на тему «Леонтьев и Данилевский»¹, видят ее по-разному: наиболее поверхностный подход – характеристика Леонтьева как ученика Данилевского, более внимательный взгляд предполагает как минимум уточнение: «независимый ученик», развивший идеи Данилевского². Большинство современных ученых придерживается концепции «параллельного развития» двух мыслителей³. Ближе всех к истине, по-видимому, Р.А. Гоголев, взглянувший на проблему так: Леонтьев «использовал лишь понятийный аппарат „России и Европы“, пытаясь, в сущности, выразить собственные взгляды»⁴.

Теорию «культурных типов» Данилевского Леонтьев считает «истинным открытием» (8(1), 84), великим шагом «на пути русской науки и русского самосознания» (7(1), 269). «Главная заслуга Данилевского <...> это еще то, что он первым в печати смело поставил своеобразие культуры как цель. – Московские Славянофилы все как-то не договаривались до этого; они вместо того чтобы сказать, что без своей культуры и жить России не стоит; говорили, что на Западе все ложь, или что у нас то или другое не привьется, не удобно и т.п. натяжки.

Раз поставив это учение на основании: культура для культуры, Славянофилы будут впредь тверже на ногах и на вопрос: „а общечеловеческое благоденствие?“ могут ответить спокойно: „Да кто вам сказал, что мы об нем забыли!“»⁵.

Со временем Леонтьев вносил некоторые поправки в теорию Данилевского. Например, у последнего культурно-исторические типы автономны. О славянском типе просто говорится, что он полнее романо-германского. Леонтьев идет дальше: в статье «Письма о Восточных делах» высказывает свою заветную мечту о *замене* романо-германской цивилизации славяно-восточной (8(1), 77)⁶. Конечно, речь идет не о существующей русской или славянской цивилизации (в том виде, какая устроила бы Леонтьева, ее просто нет и не было), но о *новой*. Дальше в той же статье эта цивилизация названа «Славяно-Азиатской» (8(1), 83).

Став настольной для Леонтьева, книга «Россия и Европа» не воспринималась им как незыблемая догма: «Данилевский дает нам твердый фундамент в Православии, в Царстве, в общине поземельной. Он не запрещает нам строиться выше, *по-нашему*, на этом основании. Он окрыляет нас надеждами на твердом народном якоре. <...>...он не стесняет ничем дальнейшего полета русской мысли. Напротив того, он рассчитывает на этот полет; он его подразумевает...» (8(1), 357). Данилевский дал «умственный фундамент», «общий очерк плана» (8(1), 359) для дальнейшей работы, и эта работа была начата Леонтьевым

¹ Основная литература вопроса указана в примеч. 61 в главе 1 второй части (с. 152–153).

² Ефремов А.В. Борьба за историю: Концепция Н.Я. Данилевского в оценке современников. М., 2006. С. 79. Раскрывая, в чем же заключалось это дальнейшее развитие, тот же историк пишет: «К биологизму Данилевского» леонтьевская концепция «добавляла специфически-леонтьевский культурологический эстетизм» (Там же). Он же правильно подметил, что Леонтьев, пожалуй, был единственным, кто считал панславизм Данилевского недостатком, а превыше всего ценил «культурную» составляющую книги (Там же. С. 81–82).

³ И действительно, статья «О грамотности», переименованная Страховым в «Грамотность и народность. Беглые заметки», была написана до чтения Данилевского и только дополнялась при чтении первых глав его книги.

⁴ Гоголев Р.А. «Ангельский доктор» русской истории. М., 2007. С. 64.

⁵ Леонтьев К.Н. Избранные письма / Публ., предисл. и примеч. Д.В. Соловьева; вступ. ст. С.Н. Носова. СПб., 1993. С. 73 (письмо к Страхову от 12 марта 1870 г.; уточнено по автографу).

⁶ Ср.: 7(1), 268–269. В 1880 г. именно в изложении идей Данилевского говорится: «долженствующей поглотить и претворить в себе европеизм» (7(2), 204).

в 1871 г. Но прежде чем говорить о его теоретических трудах, нельзя миновать хотя бы краткого напоминания о центральном периоде в жизни Леонтьева.

Афонские уроки

«Центр жизни К. Леонтьева, – писал о. Иосиф Фудель, – конечно, его бегство на Афон»¹, последовавшее во исполнение данного во время смертельной болезни обета и завершившее «процесс внутреннего переживания предыдущего периода»². Леонтьев впервые приехал на Афон 25 июля 1871 г. и пробыл там до середины августа (см.: 6(2), 108–109). Затем он жил на Афоне с начала сентября 1871 г. (6(2), 110) до 15 сентября 1872 г., отлучаясь лишь на небольшие конные путешествия по Македонии и на поездку в Солунь для передачи управления консульством Н.Ф. Якубовскому, консулу в Битолии, в январе 1872 г. Важно отметить, что он уже в августе 1871 г. приехал с Афона не один, но, как бывало в обычае монахов, со спутником. Его сопровождал монах Григорий (6(2), 109), регент Пантелеймоновского монастыря.

На Афоне Леонтьевым была испытана жесточайшая духовная борьба³, продолжали преследовать его и телесные недуги (он «мучался <...> то тем, то другим», – 6(1), 230). Но все было преодолено и завершилось обновлением и возрождением. Биограф писателя говорит: «Афонский период жизни К. Леонтьева не есть ли самый последовательный период, несмотря на то, что он в это время только учился и перевоспитывал себя»⁴. Сам же Леонтьев писал о пройденной им монастырской «школе» коротко:

«Я многому научился и многое забыл. – Я понял вещи, которые прежде мне были странны и чужды <...>.

Я многое видел и многое прочел» (7(1), 132).

«Я многому здесь научился и многое узнал...» (7(1), 134).

Что же он здесь приобрел после многих бесед с отцами Иеронимом и Макарием, долгих богослужений, чтения Святых Отцов, житий, богословских и церковно-исторических трудов? «Ясное и отчетливо сознание Православие» (VIII, 143)⁵, при этом – «сердечное», «личное»⁶; «истинный дух Церкви» (6(1), 232), христианство «настоящее» (7(1), 406), которое является «в одно и то же время и отрадным и страшным учением» (7(1), 406). Это религия «дисциплины» и «разочарования», «безнадежности на что бы то ни было земное» (7(1), 173), «культура Византийской дисциплины и земного аскетизма» (7(1), 174), «великое учение, для личной жизни сердца столь идеальное <...> для сдерживания людских масс железной рукавицей столь практическое и верное» (7(2), 22).

На Святой Горе Леонтьев не только каялся, исправлялся и учился. Здесь было и отдохновение от «суеты и грома» (7(1), 133), и пища для столь развитого у него «чувства прекрасного»⁷. Целительно действовала и природа Афона. Как

¹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1046. Л. 59.

² Там же. Л. 20.

³ Ср. в письме к Александрову от 24–27 июля 1887 г.: Александров. С. 9.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1046. Л. 63.

⁵ Сознание в цельности: «Православие состоит из догматов, нравственного закона, обрядов и канонов. Все четыре элемента одинаково необходимы» (7(1), 283).

⁶ Ср.: «...великую святыню личного, сердечного Православия» (7(1), 205); «...в духе личного Православия» (7(1), 236); «...Православия сердечного, личного, мистического...» (7(1), 482). Основная черта его – жизнь в Церкви под постоянным духовным руководством старца.

⁷ Ср.: «...Всякому человеку, не лишенному чувства прекрасного, русская служба на Святой Горе не может не нравиться, так она стройна, внимательна, строга; так она искренна; облачения и вся утварь так красивы, так чисты, в иные празднества так роскошны; пение так просто и так хорошо...» (6(1), 509).

глубоко неправ Б.К. Зайцев, искренне полагавший, что Леонтьев не заметил ее поэзии и что вообще его «впечатления об Афоне схематичны и односторонни»!¹ Такое заявление свидетельствует скорее об «односторонности» его автора. Оно означает, что мимо замечательного прозаика прошел и очерк «Пасха на Афонской горе» с его короткими описаниями святогорской весны, которые – при знакомстве – должны были бы показаться Зайцеву такими близкими², и следующие строки книги «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни»: «Можно себе представить <...> как подействовал на Зедергольма Афон. Его удивительная природная красота, его нагие, страшные скалы, его густые леса, его ручьи, на берегах которых растут такой исполинской ширины платаны... Обширные и древние обитатели, похожие больше на феодальные замки...» (6(1), 263)³.

На Афоне Леонтьев находит живое воплощение идеалов «своеобразия» и «разнообразия» (как он добавил бы потом: «в мистическом единстве»). Ему особенно нравится, что здесь «образ жизни, уставы, степени отречения, подчинения и свободы <...> очень различны» (7(1), 138). «Афон именно тем и хорош, что в нем оттенки монашества бесчисленны» (7(1), 214). Изучение всех этих оттенков становится хорошей школой для него как социолога и психолога. «Образов жизни», в согласии со Святогорцем, автором «Писем <...> о Святой Горе Афонской», он называет восемь – от киногий (общежительных монастырей) до пещер (7(1), 139)⁴. На это накладывается еще и национальный отпечаток: «Жизнь греков и болгар в малых келиях и каливах (хижинах) отличается несколько от жизни русских в подобных же жилищах» (7(1), 255). Отличное знание афонских порядков пригодилось и обнаружилось в статье «Панславизм на Афоне», где Святая Гора описывается как государство в государстве («привилегированная провинция Турецкой Империи», – 7(1), 210).

Леонтьев жил в киногии (Пантелеймоновском монастыре), в «обитатели многолюдной, но стройной, дисциплинированной разумно и добросовестно»

¹ «Кажется, слишком отзывают они (эти впечатления. – О.Ф.) предвзятостью, „идеями“, да может быть и обликом о. Иеронима. Но рядом с посохом св. Афанасия цветут на Афоне розы и лилии, весной же тянет в море благоуханием полуострова. Леонтьев не любил этого или старался умышленно отринуть» (Зайцев Б.К. Афины и Афон: Очерки, письма, афонский дневник / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.М. Любомудрова. СПб., 2011. С. 143).

² «В это время на Святой Горе уже давно весна; наверху, на гребне горы, в лесах уже давно стаял снег, и те кусты и деревья, которые и на юге зимой теряют листья, начинают одеваться и зеленеть» (6(1), 377). «За монастырем, почти вплоть у окон задних корпусов, большая гора, сплошь покрытая <...> кустарником низким и частым, который летом наводит уныние однообразием и неподвижностью своей темной зелени <...>.

Но именно Великим постом и перед Пасхой эта гора мало-помалу начинает *пестреть* и становиться веселой и прекрасной, как богатый, расписной ковер. Сплошной и низменный кустарник ее на короткое время весь убирается цветами белыми, розовыми, желтыми. Между этими красивыми, яркими пятнами видны другие оттенки. <...> В этих пестрых кустах весело бродят монастырские мулы, мирно бряцают колокольчиками. Воздух еще не слишком жарок и как-то особенно душист. Птицы в лесу поют громко по утрам. Сама природа точно готовится пышно и весело встретить „праздник из праздников и торжество из торжеств!“» (6(1), 378). Три раза о веселье – в небольшом отрывке, и легко рассеиваются все мифы о «черном христианстве» Леонтьева.

³ Легко найти похожие фрагменты и на оптинских страницах книги. Ср. об оптинском ските: «...эти ели темные, эти дорожки скита, цветы, разведенные самим великим старцем Макарием...» (6(1), 348).

⁴ Ср. в статье «Панславизм на Афоне»: «Афон, в том виде, каким он теперь, именно тем и хорош, что в нем на небольшом пространстве сосредоточено множество различных форм и оттенков монашеской жизни. От жизни отшельника в неприступной пещере до жизни проэстоса, обитающего в десяти комнатах с шестью послушниками, – множество оттенков» (7(1), 255).

(7(1), 149). О киновиях он писал в «Афонских письмах» (7(1), 139–140), в статье «Панславизм на Афоне» (211–214, 255), об их аскетическом значении – в книге об о. Клименте (Зедергольме) (6(1), 326). Такой тип монастырской общины был ему наиболее интересен и как мыслителю-социологу.

«Киновии могут служить прекрасным предметом изучения для самих коммунистов. – Изучая Киновии, можно допустить, что коммунизм <...> как *частное проявление* общественной жизни, возможен, но лишь под условием величайшей дисциплины и даже, если хочешь, страха. <...>...это несокрушимая *идеальная* узда веры, любви и почтения» (7(1), 140). Киновиаты – «коммунисты для отречения, для *аскетизма*...» (7(1), 151). «В киновии унынию мало места. – Взаимные примеры, обоюдное возбуждение; – довольные, спокойные лица; – каждый знает свое дело, у всякого свое разумно выбранное назначение. – Самый вещественный из трудов облагорожен своим духовным смыслом» (7(1), 156).

Как первую ступень на переходе от мирской жизни к иноческой он ценил и менее строгие «своеобычные» монастыри, «идиоритмы»¹. В России в XVIII–XIX вв. такие обители назывались «штатными». Если бы все было устроено одинаково, полагал Леонтьев, Афон бы запустел. При сохранении же разных форм и уставов святогорцы «развивают успешно обе главные основы христианского учения – *аскетизм и милосердие*» (7(1), 256). К концу XX в. все афонские монастыри стали киновиями². То же произошло и в России. Скиты, например, к нашему времени сохранили лишь свое название, а на деле превратились в большинстве своем в сельскохозяйственные монастырские подворья (то, что у греков называется метохами).

Свои наблюдения над устройством Афона Леонтьев считал важным сообщить и высшим дипломатическим кругам. Еще в 1871 г. он начал «Записку об Афонской горе и об отношениях ее к России». К 20 января 1872 г. она «почти готова»³, к 22 марта все еще не перебелена и не окончена⁴. Итоговый вариант (с обещанным продолжением, которого так и не появилось) датирован апрелем 1872 г., хотя послан он в Царьград и в Петербург 26 марта⁵. В дальнейшем «афонские порядки» станут предметом рассмотрения в записках Леонтьева, адресованных ученикам.

Теоретические труды Леонтьева

«Афон и от политических вопросов не отдаляет вполне человека, если он хочет сам за ними следить...» (7(1), 133). В сентябре 1871 г. на Афоне Леонтьев получил известие о Константинопольском Поместном Соборе, объявившем об отпадении Болгарской Церкви в схизму. С.Н. Дурылин писал: «...частный вопрос текущей политики заставил Леонтьева задуматься над основами исторического процесса, поскольку он выявляется в судьбах греко-славянского мира во главе с Россией, а затем и во всем просторе всемирной истории»⁶. Мне кажется, здесь нужна некоторая поправка: Леонтьеву наверняка сразу было ясно, что это далеко не «частный» вопрос (хотя он и сам его так позднее называл⁷,

¹ См.: 7(1), 211–213.

² См. об этом: *Fenell N. The Russians on Athos*. Bern, 2001.

³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Ед. хр. 2270. Л. 13 об. (письмо Леонтьева к Н.П. Игнатьеву из Салоник).

⁴ См. письмо Леонтьева к бар. Ф.Р. Остен-Сакену от 22 марта 1872 г., с неточностями опубликованное Т.А. Лаптевой: *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв.* М., 1999. Т. IX. С. 212.

⁵ См.: АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Ед. хр. 2270. Л. 53–53 об.; Ед. хр. 3209. Л. 15 об.

⁶ *Литературное наследство*. Т. 22/24. С. 472.

⁷ См.: 8(2), 157.

но немного в другом значении и в другом контексте, «частный» он – только по сравнению со всеобщими судьбами мира). «Никогда Греко-Российская Православная Церковь не была потрясена так опасно и глубоко на основаниях своих, как в эти годы лукавых и дерзких болгарских претензий, греческого гнева, турецких интриг и русского... как бы это сказать?... положим, либерального простосердечия» (6(1), 511). Эта распря на Леонтьева, «как на православного и русского человека, наводила духовный и гражданский страх за наше будущее» (8(1), 219). Страх за будущее подвиг его спешно писать свою книгу. «Без ученой подготовки, без достаточных книжных источников под рукой, – подчиняясь только внезапно охватившему мою душу огню – я написал эту вещь „Византизм и Славянство“» (8(2), 157).

На протяжении всей дальнейшей жизни Леонтьев-публицист постоянно возвращался к Греко-болгарскому вопросу, этому краеугольному камню понимания не только Восточного вопроса, но и всего, что связано с национально-государственными, национально-церковными проблемами. В 1872 г. самому Леонтьеву пришлось выбирать между национальным («племенными сочувствиями», «единением славянской любви»), государственным («Россия – глава славянского мира») и церковным (единство Церкви, основанное на верности ее канонам), и он раз и навсегда выбрал третье. В 1879 г. Леонтьев вспоминал о своем приезде в Константинополь и об этой ситуации выбора: «Я приехал туда в 72 году, сознаюсь и *каюсь*, защитником болгар¹, хотя и грекам во многом сочувствовал; но не прожил я и года в самом центре борьбы, как уже мысли мои изменились...

С тех пор они все те же... <...>

Только тогда <...> я сказал себе: никогда еще в истории России и Славянства принцип племенного Славизма не вступал в борьбу с православными уставами и преданиями, и в первый раз эту борьбу мы видим в греко-болгарской распре.

Истинно-национальная политика должна <...> поддерживать не *голое*, так сказать, *племя*, а те духовные начала, *которые связаны с историей племени, с его силой и славой*. Политика православного духа должна быть предпочтена политике славянской плоти...» (7(1), 547).

В конце жизни Леонтьев подчеркнул знаменательность для его судьбы временного совпадения двух событий: обретения им глубокой «*личной веры*» и трагической кульминации Греко-болгарского церковного вопроса: «*Как раз в это же самое время* произошло отложение болгар от Вселенской Цариградской Церкви, и я с ужасом понял тогда и глубокий индифферентизм болгар, и полупростодушие, полумерзость² наших русских надежд и затей; и удивительную твердость и смелость греческого духовенства» (8(2), 156).

Убедившись в том, что цели болгар «вовсе не церковные и не богомольные» (6(1), 772), Леонтьев «начал колебаться» в своей «слепой и пламенной вере в Славянство», а заодно «стал сильно разочаровываться и в наших внутренних

¹ Леонтьев действительно сначала скорее симпатизировал болгарам и, хотя и не обольщался на их счет, не идеализировал их (ср.: 7(1), 186), считал, что они «*несравненно правее*» греков (7(1), 177). Потом он занимал умеренную позицию, близкую к той, что исповедовал Георгий Полихрониадес, отец главного героя в романе «Одиссей Полихрониадес». Этот «умеренный и справедливый» грек полагал совершенно законными требования болгар разрешить им «петь и читать в церквах» на родном языке, но отделения от Вселенской Патриархии «не допускал ни под каким видом» (4, 36).

² В черновике было сказано еще резче: «полу-свинство» (8(2), 587). «...Я возмущался тем, что мощные представители Императорской России, Графы и Князья наши (подразумеваются А.М. Горчаков и Н.П. Игнатьев. – О.Ф.) тянутся боязливо — по следам каких-то славянских холуёв-демагогов» (8(2), 158).

русских либеральных преуспеваниях» (8(2), 223). Его раздумья продолжались и по возвращении в Россию. «...Греки¹ *правы канонически, но, пожалуй, не совсем чисты нравственно* в этом вопросе <...> – писал он. – Болгары же <...> *не правы и канонически, и нравственно*» (8(1), 66)². В 1882 г. ему даже показалось, что эта распря «уже не опасна» (8(2), 328), но потом соответствующий фрагмент был вычеркнут из статьи «Письма о Восточных делах». А еще позже публицист стал самого себя поправлять и дополнять³. Например, к процитированному выше месту о правоте болгар в 1884 г. он сделал примечание: «Я скоро убедился в этой ошибке моей. Она была очень грубая» (7(1), 77)⁴.

Греко-болгарская распря дает внешний толчок к разработке Леонтьевым идеи церковного единства и – в дальнейшем – государственно-культурного «босфорского средоточия»⁵ вокруг Великого Престола. Находясь на покоренной турками территории Византии, Леонтьев рассуждает о пропущенном Данилевским «византийском» культурно-историческом типе, понимаемом, говоря просто, как православное самодержавие⁶.

В своей книге Леонтьев впервые переводит «трактовку Восточного вопроса из плоскости борьбы европейских держав за **османское наследство** в рамки нравственных и законных прав России на единоличное обладание **наследством византийским**, связав это с естественным ходом развития русского культурно-исторического типа»⁷.

Возможно, одним из источников, наведших Леонтьева на труд о византизме, была статья Н.П. Аксакова «Вопрос о свободе совести» в журнале «Беседа». Ее вторая часть («Германизм») завершалась обещанием в следующей статье подробно говорить о византизме как об одной из сил, управляющих церковно-исторической жизнью России⁸. Однако обещанного продолжения не появилось. Леонтьев, таким образом, подхватил слово на лету.

Книга Леонтьева сложилась из нескольких частей. Те, что посвящены собственно византизму и современным церковно-национальным проблемам, появились позже, чем нынешняя вторая (теоретическая) часть. Таким образом, когда Леонтьев (а вслед за ним Дурылин) говорит о церковной распря как о первопричине появления книги, это относится лишь к одной ее части. Сначала же, в конце января – начале февраля 1872 г., в Зографском монастыре⁹ были

¹ Они теперь особенно интересуют Леонтьева как «носители церковной идеи на Востоке» (6(1), 512), впрочем, объясняет он, важны не сами греки, а хранимые ими «Восточные Церкви» (там же).

² В этой формулировке Леонтьев поправляет И.С. Аксакова, считавшего болгар правыми именно нравственно.

³ См.: «Письма отшельника» (7(1), 547), «Дополнение к двум статьям о Панславизме» (7(1), 268–271).

⁴ См. также: 7(1), 234. Ср. также вставку 1885 г. во фрагменте о болгарских церковных делах, о неприемлемости «самоволия в делах Церкви»: «самое учение подобной духовной инсurreкции можно назвать расколом, **если не ересью**» (8(1), 59; 8(2), 321).

⁵ Ср.: 6(1), 513.

⁶ «Византизм в понимании Леонтьева – это не столько особая культура, склад чувств, мыслей и всей жизни, которую Россия унаследовала от Византии (как понимал это Н.Н. Страхов), сколько глубокая иерархичность всего жизненного уклада Византии <...> которая была воспринята Русью <...> что выразилось <...> в создании глубокой, сложной, разветвленной и разнообразной культуры» (Адрианов Б. Место и значение К.Н. Леонтьева в русской философии // К. Леонтьев, наш современник. СПб., 1993. С. 8).

⁷ Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. С. 91.

⁸ Беседа. 1871. № 9. С. 193.

⁹ См.: 6(1), 129–130; 7(2), 663 (уточнение даты).

написаны теоретические главы («Прогресс и развитие»)¹. Они были начаты как отдельные очерки, обдумывал их Леонтьев буквально по дороге. Здесь Леонтьев противопоставил «прогрессу» «развитие»², выдвинул гипотезу «триединого процесса развития» и, в частности, вторичного смесительного упрощения, предложил «почти математическое средство для определения возраста и близости падения Государств» (6(2), 10) и дал определение формы как «*деспотизма внутренней идеи, не дающей материи разбегаться*» (7(1), 383).

Леонтьев думал, что скоро умрет («ехал <...> умирать на Афон»), и спешил перенести на бумагу свое открытие. Но, может быть, в этом рассказе есть элемент «домашней» мифологизации? Нет, все, по-видимому, так и было. Открытие пришло к Леонтьеву перед вторым отъездом на Афон. Об этом свидетельствует сохранившаяся обложка с заглавием «Прогресс и Наука» с датой «1871» и указанием места – «Салоники». Название переключается с будущим «Прогресс и развитие».

Итак, сначала была записана теория «прогресса и развития», потом появились главы о византизме и «славизме» и «болгарские главы». Даже в конце октября 1874 г. все это мыслилось еще как две книги: «Прогресс и развитие» и «Византизм и Славянство» (последнюю – вместе со статьей «Еще о греко-болгарской распре» – Леонтьев хотел сначала издать отдельно с посвящением гр. Игнатьеву). Потом он все поменял местами, «болгарскую статью» отделил (хотя в книге остались главки на эту же тему). Планировалось еще (весной 1875 г.) «*небольшое прибавление*» «в виде <...> подробного примера»: «приложение *моей триединой гипотезы к Истории еврейского народа*»³. Но работа была приостановлена, и на книге ощутима некая печать незавершенности, что не мешает этому труду оставаться центром всего, что сделано Леонтьевым.

Леонтьев неоднократно говорил, что, когда он писал «Византизм...», у него не было под рукой нужных источников и вообще «столько <...> написано на память и даже чуть не наобум»⁴. Вопрос об источниках, использованных Леонтьевым в этой книге, специально еще не рассматривался⁵, большинство из них указано в комментариях к Полному собранию сочинений. Среди них книги Ф. Гизо, А. Тьерри⁶, Ж.-А. де Гобино и Ф.-К. Шлоссера, руководства Г. Вебера (скорее всего не 15-томная «Всеобщая история», а его «Учебник всемирной истории») и Г.-Г. Гервинуса (1805–1870)⁷, книги А. Пихлера, Э.-Л. Бюрнуфа и Л.-А. Прево-Парадоля, Ж.-А.-А. Убичини и У. Дентона. Из русских источников – «Очерк истории Чехии» А.Ф. Гильфердинга (1862). Из новинок – «Интеллектуальная и мо-

¹ См.: 6(2), 21.

² Более позднее определение: «усиление *организованной*, т.е. *дисциплинированной* *разнородности*» (8(1), 44; организованной – дисциплинированной – вставка 1884 г.).

³ Цит. по: 7(2), 671.

⁴ Цит. по: 7(2), 670.

⁵ Чаще всего вспоминают по этому поводу то, что Леонтьев читал на Афоне Гёте, Прудона, Байрона, Хомякова и Герцена (7(1), 132).

⁶ В «Византизме...» цитируется предисловие к его «Последним временам Западной Империи» (1860) (7(1), 312–313). Отдельные главы многотомного труда А. Тьерри «*Récits de l'histoire romaine au Ve siècle*» («*Рассказы из римской истории V в.*»; первый том вышел в Париже в 1860 г.) печатались на протяжении многих лет в «*Revue des deux Mondes*». Главы о Ефесском соборе, вошедшие впоследствии в изданный посмертно, в 1878 г., шестой том («*Nestorius et Eutichès, les grandes hérésies du Ve siècle*»; «*Несторий и Евтихий: великие ереси V века*»), Леонтьев прочитал также по журнальной публикации: *Revue des deux Mondes*. 1871. Т. 96, nov. et déc.; 1872. Т. 98, mars et avr.

⁷ Издания, которыми пользовался Леонтьев: *Вебер Г.* Курс всеобщей истории / Пер. Е. и В. Корша. М., 1859. Т. 1. Вып. 2: *Греческий мир*; *Гервинус Г.* Введение в историю девятнадцатого века / Под ред. М. Антоновича. СПб., 1864.

ральная реформа» Э. Ренана (1871). Хотя бы понаслышке Леонтьев уже тогда знал и Шопенгауэра¹. Сказалось и влияние любимой им книги В.-Г. Рилья «Страна и люди» (1857–1863).

Есть в «Византизме и Славянстве» ссылки, свидетельствующие о том, что Леонтьев использовал материалы, с которыми познакомился в 1868–1869 гг., – книгу Н.И. Костомарова о Смутном времени (7(1), 324), статью Н.И. Барсова «О русском простонародном мистицизме», статью Р.-Г. Тайандье, ряд статей «Московских ведомостей» 1868 г.

Даже неполное перечисление заняло так много места, что уже одно это показывает: «рабочая память» у Леонтьева была весьма объемной.

Подобно «Византизму и Славянству», статья «Русские, греки и югославы» представляет собой соединение «политической» и «теоретической» работы. Леонтьев стремится подойти в своих наблюдениях к самому глубинному, что есть в том или ином народе: «...в жизни самой везде есть некоторая вековая устойчивость бытового типа, общего духа, который меняется медленно и который хорошо понять и разносторонне исследовать полезно не только в смысле теоретического расширения знаний, но и с практической целью: ибо сколько ни меняются политические течения, есть, однако, известные роковые пределы, за которые колебания эти целые века переступить не могут.

Эти-то пределы политических колебаний, возможные для одной и той же нации, и обуславливаются внутренним строем этой нации, ее вероисповеданием, ее преданиями и даже вкусами, ее социальным устройством, которое кладет свою глубокую печать на личный тип или психический строй самих граждан» (7(1), 449).

Чтобы понять этот «внутренний строй», недостаточно только «этнографических очерков» и актуальной политической аналитики. И то и другое чаще всего только скользит по поверхности. Под взглядом публициста, которого занимают «интересы» и «стремления» народов, показывает Леонтьев, болгары и греки «явятся самыми свирепыми антитезами» (7(1), 456), взгляд же художника заметит в них больше общности, чем различий. Но это тоже будет лишь частью реальной картины. Нужен какой-то новый, синтетический жанр, опыт которого и предлагает Леонтьев в своих статьях, начиная с «Грамотности и народности». В статье «Русские, греки и югославы» появится даже «литературно-критическая» глава о новогреческой поэзии: сравнивая оды И. Танталиди с одами Державина, Леонтьев увидит в последних одну черту, «которая вообще отделяет резко русских от греков», это «черта грусти более глубокой, черта меланхолии и романической боли» (7(1), 470).

Вероятно, впервые после Хомякова (с его знаменитой антитезой «иранства» и «кушитства») в русской литературе появляется такое глубокое проникновение в область национальной религиозной психологии, причем не теоретическое, а, как всегда у Леонтьева, образное, яркое, из «живой жизни». Детально, одновременно и «научно», и «художественно», он анализирует религиозную психологию «четырех единоверных наций Востока» (7(1), 462) – русских, греков, сербов и болгар. На эту тему есть много размышлений и иллюстраций в его художественных произведениях. Здесь же подводятся итоги, дается точная и полная картина.

Все богатые наблюдения Леонтьева на «греко-славянском» Востоке вошли в эту статью, и насколько же шире его взгляд, чем был у В.И. Кельсиева,

¹ См.: 7(1), 308.

которого интересовало преимущественно русское население Добруджи¹, или будет у В.Г. Короленко. Последний несколько раз посетит Нижний Дунай в конце 1890-х – начале 1910-х гг. и, вслед за Кельсиевым, тоже, как видно уже из названия одного из его очерковых циклов, будет наблюдать в основном за судьбой «наших на Дунае»². «Наши» – это русские старообрядцы («некрасовский корень») и украинцы, потомки запорожских сичевиков. Мелькают порой в тени и греки, и – что могло бы особенно понравиться Леонтьеву – турки, причем изображены они в очерках Короленко с большой симпатией, а «наши на Дунае» не устают повторять приезжему «из Расеи», что «за турчином» жилось им гораздо лучше (вольнее), чем «за рамуном»³.

Очерки Кельсиева Леонтьев ценил за их живость. Это достойный и остроумный бытописатель, к «психическому строю» разных национальностей он, как и Леонтьев, внимателен (это видно и по очеркам, посвященным путешествию по Молдавии и Галичине, и по другим произведениям Кельсиева), но ему не пришло в голову каким-то образом подвести итоги своим наблюдениям, сопоставить характеристики разных народов и сделать из этого даже прикладные выводы, важные для русской внешней политики, что всегда делал в своих статьях Леонтьев⁴. Вообще сама мысль о сопоставлении «психического строя» разных народов принадлежит в России ему, так же как и понятие «социальной психологии», и многое другое, что сейчас вошло в самый широкий обиход.

«За время пребывания в Турции <...> – писал об этом периоде о. Иосиф Фудель, – у Леонтьева совершенно сложились взгляды политические, культурно-исторические и социальные. С этим багажом он и приехал в Россию»⁵.

В конце 1870-х гг. Леонтьев – большой мыслитель и политический провидец, не услышанный, а потому все реже выходящий из своего уединения. Но в уединении легче и покойнее думается. И вот к началу следующего десятилетия у нашего «одинокого мыслителя» сформировалась стройная концепция, которая лишь фрагментарно отражалась в его статьях, но чаяла воплощения и «трансляции». Настроение, объединяющее все планы и мечты Леонтьева, можно выразить так: «ожидание новой культуры»⁶. Эта культура, как будет объяснять

¹ Напомним, что писал о Тульче бывший эмиссар Герцена, а жил здесь в начале 1860-х гг. эмиссар действующий, пытавшийся склонить в лондонское согласие обитавших в Добрудже старообрядцев и молокан. Не могли, конечно, как впоследствии это было и с Леонтьевым, не заинтересовать Кельсиева польские эмигранты. См., например: *Кельсиев В.И. Очерки Тульчи // Всемирный труд. 1868. № 8. С. 93–94 (пагинация 2-я).*

² См. его очерки «Над лиманом» (1897), «Наши на Дунае» (1909), «Турчин и мы» (1913), «Нирвана» (1913): *Короленко В.Г. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 6. С. 3–129.*

³ По Берлинскому мирному договору (1878) Добруджа вошла в состав новообразованного государства – Румынии. Кстати сказать, многие нарисованные Короленко картинки румынского усердного «европейничанья» тоже, несомненно, пришлись бы очень по душе Леонтьеву.

⁴ См., например, наблюдение о социальном устройстве болгар, выводящее к политическому прогнозу, целиком сбывшемуся в 1880-х гг. (7(1), 458–461).

⁵ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1046. Л. 44 об.

⁶ Выражение И.И. Кристи по поводу статьи Леонтьева «Храм и Церковь» (Гр. 1886. 9 янв. № 3. С. 7). Под культурой Леонтьев подразумевает «систему отвлеченных идей, и бессознательно в жизни живущих, и сознательно в жизнь проводимых, и из нее в область дальнейшей мысли извлекаемых» (8(1), 51). Здесь есть реминисценция из Рилы (ср.: «Истинная социальная политика есть та, которая не жизнь развивает из учения, а учение из жизни». – 8(1), 471). Пример в «Среднем европейце...»: эпические песни («незнание», «простота») собраны ученым в сборник («наука»), некто «вдохновляется им и производит нечто такое, что еще выше и простенькой былины или песни, и ученого сборника» (8(1), 166). Последнее и есть пример «новой культуры»: развитое восстановление идеалов народа (см.: 7(2), 162–163). Другой путь (гармоническое сочетание «своего» и «чужого») объяснен Леонтьевым на

он впоследствии, «должна быть ко времени расцвета своего хоть некоторыми своими сторонами *сложнее* и *устойчивее* предыдущих и представлять собою хоть в чем-нибудь антитезу тому, что разрушает эти предыдущие и доживающие свой век культуры» (8(2), 210). Культурное «обособление» «должно принимать прямо антитетическое направление» (8(2), 227). Например: Европа движется к бессловности, а мы вернемся к сословному расслоению, Император французов одарил мир идеей «национальной политики», мы должны понять, что «политический национализм» – близкий родственник «космополитической революции», и т.д.

Вокруг в это время все нерадостное и неустойчивое: хаос, безбожие, утилитаризм и в конце концов – смешение и однообразие. «Жалко, скучно, страшно» – лейтмотивы отзывов Леонтьева о современной ему России на рубеже 1870-х – 1880-х гг.¹ Есть два пути: разрушительный (если оставить все как есть) и своеобразно-созидающий (ср.: 8(1), 89). Он всемерно служит второму. Служит словом, хотя и понимает, что «великие вещи» совершаются *помимо слов* – «незримо и постепенно» (4, 59). «...Действительное созидание бывает всегда полусознательное, или *почти бессознательное, а не рациональное*» (7(2), 84). А пока до «действительного созидания» еще далеко, нужно хотя бы приостановить разрушение. Поэтому Леонтьев так часто говорит о значении «опор», о необходимости «приостановить быстроту экономического брожения» (7(2), 99) и «затормозить хоть немного свою историю, в надежде на то, что можно будет позднее свернуть на вовсе иной путь» (8(1), 468).

Нужно только помнить о временной модальности («пока», «теперь»), присутствующей в его политических рецептах. Ср.: «*А пока вообще нужно поменьше движения в обществе*» (8(1), 42). Даже известный совет «подморозить Россию» корректируется через два года уточняющим наречием: «Теперь – до разрешения Восточного вопроса, надо одно – *подмораживать* все то, что осталось от 20-х, 30-х и 40-х годов...» (8(1), 38). «...Реакция то туда, то сюда – неизбежна» (7(2), 72), – объяснял он, – и «прогресс бывает всегда попеременно то либерального, то реакционно-дисциплинирующего свойства» (7(2), 107). «Репрессивные меры не могут быть сами по себе целью; они только временный прием для того, чтобы люди „не мешали“ приготовить что-нибудь более прочное в будущем» (7(2), 143).

«Гептастилистическое» в публицистике Леонтьева

Идеал, писал Леонтьев, должен быть «самый высший, самый широкий и смелый, *самый идеальный*, так сказать, *из всех возможных идеалов*» (8(1), 44), идеи – «очень оригинальны, очень выразительны и прочны» (8(1), 268).

Его идеал (культурное своеобразие, умственная независимость², новое представление об историческом назначении) сложился в Турции, то есть «почти» в Византии. Ср.: «Я хотел говорить вам постепенно все яснее и яснее, все подробнее и, так сказать, изобразительнее о том идеале, который сложился

примере трактира Корещенко на Парижской выставке, где посетителей встречала первая русская официантка (тогда, естественно, такого слова в нашем языке еще не было) – заимствование от французов! – но... в русском кокошнике. См.: 7(1), 113.

¹ См., например: 7(1), 540–541, 545; 6(1), 351; 8(1), 8. В это время ему начинает казаться, что он сам «уже ничего больше серьезного и крупного» не сделает (РГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 28 об.; письмо к Вс. Соловьеву от 18 июня 1879 г.).

² Политической независимости мало, нужны – культурная (культурно-бытовая; 8(1), 52) и умственная (ср.: 8(1), 97). «Духовная независимость» (ее противоположность – «умственное рабство»; см., например: 8(1), 221) становится у Леонтьева синонимом «*идеального блага*» нации (8(1), 97). Только своеобразие «по мысли, по духу, по формам» (8(1), 54), полагал он, позволит начать новый период истории (ср.: 7(2), 46).

в душе моей *после долгой жизни в Турции, в среде единоверцев наших*, и после долгих разнообразных размышлений о судьбах того странного и до сих пор еще загадочного мира, который зовется Россией, или Государством Русским» (8(1), 56).

Мне всегда казалось загадочным указание на место написания статьи об Ап. Григорьеве: «Царьград. Июнь 1869» (6(1), 26). Сведений о пребывании Леонтьева в турецкой столице в июне 1869 г. не имеется (судя по воспоминаниям М.В. Леонтьевой, в это время он должен был уже быть в Янине), и поэтому можно предположить, что указание на Царьград имеет для Леонтьева скорее символическое значение. К тому же в первоначальном варианте было: «Константинополь» (6(2), 162).

Уже тогда для него этот город – столица *всего Востока*. Леонтьев знал (и упомянул потом в статье «Владимир Соловьев против Данилевского»), что именно в Константинополе Фурье хотел поместить резиденцию «омниарха земного шара»¹, что еще до этого Наполеон назвал город на Босфоре будущей столицей мира (эти слова приводил Прудон во втором томе хорошо знакомой Леонтьеву книги «Война и мир»)², о константинопольских же планах Фурье упоминал еще в 1850-х гг. Т. Готье³.

К 1860-м гг. была не нова идея Славянского союза (вспомним хотя бы «славянскую взаимность» Я. Коллара). Восточные союзы проектировали М.П. Погодин, а вслед за ним Данилевский и Р.А. Фадеев. У последнего союз предполагался только военно-политический, в котором самостоятельные государства составляли бы федерацию⁴. Данилевский также мыслил союз федерацией с центром в Царьграде.

У Леонтьева вначале все еще не выходит за эти рамки: «Царьград есть тот естественный центр, к которому должны тяготеть все христианские нации <...> *предназначенные составить с Россией во главе Великий Восточно-Православный Союз*» (7(1), 516)⁵. Он упоминает о «какой-то неизвестной еще *славяно-босфорской государственности*» (7(2), 85). «...Более естественный и более сильный великий Восточный союз, частями которого стали бы *volens-polens*⁶ и румыны, и греки, и армяне...» (6(1), 169; 7(1), 530)⁷. Но в дальнейшем всегда подчеркивается, что союз нужен для образования *новой культуры*. Царьград понимается как центр «общеполитический, религиозный и культурный» (8(1), 117). Только здесь и возможно будет, по Леонтьеву, воплотить «действительность *новую*» (8(2), 226), дать «синтез практический и стойкий в самой жизни» (8(2), 227), а не только теоретический.

«*Старая жизнь на началах 60-х годов оказалась непригодною; нужна жизнь новая, а совершенно новая жизнь всегда требует нового центра, новой столицы; если не прямо административной, то, по крайней мере, культурной...*» (8(1), 65); «...*новая прочная организация на старой почве и из одних старых элементов становится невозможной*. Нужен крутой поворот, нужна новая почва, новые перспективы и совершенно непривычные сочетания, а *главное, необходим но-*

¹ Ср.: 8(1), 363.

² См.: 8(2), 1053.

³ См.: Готье Т. Путешествие на Восток. М., 2000. С. 213.

⁴ Фадеев Р.А. Мнения о Восточном вопросе. СПб., 1870. С. 77.

⁵ Ср.: 6(1), 169; 7(1), 525 (великий восточно-союзный организм), 530. Другие варианты названия: Восточный союз (7(1), 516), союз Восточно-Православных народов (7(2), 157), Новый Восточный мир (8(1), 86), Великий Восточно-Славянский союз (8(1), 92), Великий Восточный Союз (8(1), 102).

⁶ Волей-неволей (лат.).

⁷ В позднейших текстах к этому прибавятся еще и турки и персы, а в записке для учеников – даже индусы.

вый центр, новая культурная столица» (8(1), 85). После взятия Константинополя «невская цивилизация начнет уступать место новому босфорскому Русизму» (7(2), 185), начнется поиск «своеобразного стиля культурной государственности» (8(1), 44, 83) – «для выступления на новые, иные пути культурной по идее и форме государственности...» (8(1), 97). «Центры тяжести духовной и политически культурной» перейдут тогда «на пышные берега Босфора» (7(2), 341). Тип культурного развития переменится после поворотного пункта, которым станет взятие Царьграда «и заложение там основ новому культурно-государственному зданию» (8(1), 84)¹.

«...Все частные, так сказать, идеалы, сохранение Святыни Православия и даже дальнейшее правильное развитие его, богатство, слава, всемогущество в делах международных, новые пути в науке и философии, новые формы искусства – все это <...> в совокупности заключено в одном этом общем и всеобъемлющем идеале: *новой, независимой, оригинальной культуры*» (8(1), 238).

Тема «нового культурного русизма» на Босфоре является главной, но не единственной в историософском идеале Леонтьева. Посмотрим, как формировались другие пункты его программы. В первую очередь – тот, что связан с «вещественным» основанием новой культуры².

Уже в 1870-х гг. публициста начинает все больше занимать экономический вопрос³, он интересуется современным социализмом и все чаще заговаривает о социализме «охранительном», о «новой реакции», «новом феодализме».

На мысль об охранительном социализме Леонтьева могли навести европейские критики русской общины, о которых он писал в статье «Грамотность и народность»: «Европейцы, чуя в нас для них что-то неведомое, приходят в ужас при виде этого грозного, как они говорят, „соединения самодержавия с коммунизмом“, который на Западе есть кровавая революция, а у нас монархия и вера отцов» (7(1), 100)⁴. В статье был, между прочим, целый фрагмент о русском «реальном охранительном коммунизме», зачеркнутый при подготовке сборника «Восток, Россия и Славянство»⁵.

Не исключено, что еще в 1860-х гг. Леонтьев познакомился с трудами французского социолога Ф. Ле-Пле. Одно из его сочинений включено в состав-

¹ В отличие от большинства политиков и мыслителей, призывавших к завоеванию Проливов, Леонтьев рассматривает утверждение России на Босфоре не как венец восточной политики, но лишь как первый необходимый шаг. Современный историк справедливо замечает по этому поводу: «Важнейшей чертой леонтьевского плана является то, что создание политического Восточного союза не выступает как *самоцель*, наоборот, он есть необходимое *условие* для построения на его базе нового культурного типа. В этом принципиальное отличие Леонтьева от Тютчева и Данилевского. Они рассматривали объединение славян под скипетром русского Царя в городе Святой Софии как окончательный пункт в своих историософских построениях. По Леонтьеву, это не конец истории, но лишь новый акт исторической драмы» (Гоголев Р.А. «Ангельский доктор» русской истории. С. 116).

² Ср.: VIII, 181.

³ Интерес к нему укрепитя в начале 1880-х гг. В 1882 г., например, Леонтьев прочел «Собственность и государство» Б.Н. Чичерина (см.: VIII, 125).

⁴ См. также: 7(1), 121. К сожалению, не удалось пока установить, в какой именно статье Леонтьев прочитал изложение взглядов испанского умеренного республиканца Э. Кастеларя (Эмилио Кастелар-и-Риполь; 1832–1899) о связи общины с самодержавием (см.: 7(2), 155).

⁵ См.: 7(2), 330–331. Леонтьев подчеркивает, что это чисто экономическое явление, определенный способ владения землей и – это важно! – не исключаящий «другого личного образа владения» (7(2), 331). Сами же слова «социализм», «коммунизм» автор употребляет только снисходя к немощи читателей. О том, что крестьянская община – коммунистическая и вместе с тем глубоко консервативная, см. также: 7(2), 87.

ленный им список литературы, рекомендуемой для балканских гимназий: «*Le Play*, новое сочинение о рабочем сословии всех стран. – *Говорят*, в нем есть большие похвалы русской крестьянской общине»¹. По контексту ясно, что речь идет о книге «Европейские рабочие» (1855). Может быть, не без лукавства употреблено это «говорят» (я, мол, российский чиновник, скромный секретарь адрианопольского консульства, такие книги не читаю, но говорят...).

В книге «Византизм и Славянство» есть упоминание о «деспотическом коммунизме» (7(1), 317), об «утилитарных киновиях» коммунистов (7(1), 409), есть любопытная историческая фантазия о том, что было бы, если бы чешская нация не была сокрушена: «оригинальное сочетание и примирение социализма с Византизмом и феодальностью» (7(1), 339). Но «призвание» России еще не ясно (7(1), 372), и наша крестьянская община, по-видимому, мало интересуется Леонтьева², по крайней мере меньше, чем аристократический республиканский коммунизм Спарты (7(1), 390; ср. то же с уточнением «сословный»: 7(1), 424). В этой же книге сделано много наблюдений о сословном расслоении³.

В одной из первых, на Афоне или вскоре после него написанных, глав книги «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» встречается замечание об общинах, предваряющее будущие размышления Леонтьева о природе социальной «дисциплины» и о «мистико-реалистическом строе» (8(1), 37), который видится ему антитезой «утилитарного идеализма»: «...общины, которые держались твердо и держатся до сих пор: духоборцы, скопцы, монастырские киновии, анабаптисты, квакеры, мормоны – все держатся верой и обрядом, а не одним расчетом и практическим благонаравием» (8(1), 188).

Значительно продвинулся Леонтьев в понимании этого круга вопросов после довольно долгого пребывания в Петербурге в начале 1878 г., в частности после споров с молодым поклонником Гамбетты Ю.С. Карцовым. Вспоминая об этих спорах, 20 января 1879 г. Леонтьев напишет: «Социалисты лучше Гамбетты и вообще буржуазии. <...> Социализм – есть не что иное, как сама себя непонимающая, маскированная реакция⁴. <...>...ошибка не в социализме, а в принципах 89 года» (6(2), 12–13).

В марте 1880 г. (в статье «Чем и как либерализм наш вреден?») Леонтьев будет говорить о перерождении человеческих обществ на новых началах, о работе «в новой форме» (7(2), 133; ср.: 8(1), 270)⁵. Но фраза о «новом феодализме», «феодализме общин» появится здесь только во вставке 1885 г. (7(2), 479)⁶. В отдельном издании статьи «Как надо понимать сближение с народом?» будет сделана вставка: «...социализм, понятый только с экономической стороны, может принять и охранительный характер...» (7(2), 158, 485).

Чтобы искоренить зло, заявит Леонтьев, нужно «дать <...> обществу *такой строй*, при котором глубоко изменилось бы направление вещественных и

¹ АВПРИ. Ф. СПб. Гл. архив IV-2. Оп. 502а. Ед. хр. 333/2. Л. 144а об. В другой редакции: Россия и болгарского национально-освободительного движения. Т. 2. С. 216.

² Позднее он будет писать о том, что даже в существующем виде крестьянская поземельная община спасает «государственно-культурный строй самой России» (8(1), 204).

³ См., например: 7(1), 441.

⁴ Когда Леонтьев говорит о «маскированной реакции» (см., например, 8(1), 103), он переиначивает афоризм Тютчева из трактата «Россия и Запад» (1849), известного ему по книге Ив. Аксакова: «Употребление во зло понятия о национальности, – маскарадный костюм для Революции» (см.: 7(2), 759).

⁵ Когда Леонтьев говорит, что об этом «много думали и писали еще в 40-х годах», он может подразумевать Фурье. У социалистов-утопистов – неприемлемые для Леонтьева скука и однообразие казармы, однако сама идея «градативности» (ср. у Фурье: «сферическая иерархия») могла быть заимствована именно из этого учения.

⁶ См. также: VIII, 190–191.

нравственных интересов» (7(2), 96). Экономический вопрос (и особенно о «принудительном» социализме) он считает столь важным (делом «первостепенной важности»), что о нем «нельзя говорить слегка», не в специальной статье.

Его заинтересовывает предложение вяземского дворянства о необходимости законодательного установления минимума дробления для дворянских земель: «чтобы дворяне-наследники не имели права делить свою землю, если она ниже определенного ценза (по размеру или ценности)» (7(2), 97)¹. Это нужно для укрепления дворянства. Леонтьев прочитал о провинциальной политической инициативе в петербургской газете «Страна» (либеральная газета «удостоила мимоходом потрунить над вяземскими дворянами», – 7(2), 98)² и до того заинтересовался «этой – в кои-то веки оригинальной мыслью» (7(2), 97), что нарочно заехал в Вязьму. Там он встретился с уездным предводителем дворянства (им был П.П. Засецкий), но тот «опроверг сообщение „Страны“ как ложное» (7(2), 98; примеч. 1885 г.). Однако идея «дворянского минимума» (7(2), 98) уже была заронена. Леонтьев развивает по-своему, предлагая: «От недробимости нужно перейти к *неотчуждаемости* этой земли...» (7(2), 100), подобной неотчуждаемости крестьянского участка.

В статье «А.И. Кошелев и Община в московском журнале „Русская Мысль“» Леонтьев дает картину разнообразных землевладений: «...вообразим себе рядом с крестьянскими мирами, сравнительно бедными <...> другие общины, богатые, просвещенные и вместе с тем религиозные; свободно, положим, вначале собравшиеся; но *вследствие гнетущей, однако, силы обстоятельств* постепенно потом сложившиеся не в простые, обыкновенные *ассоциации*, подвижные и неосновательные <...> а в *корпорации обязательные* и строгие, напр<имер>, как бы вроде монастырей, но с *семейным характером*. <...>...богатые и сильные умственно <...>. Дай Бог, чтобы наши простые крестьянские общины <...> могли бы послужить началом и первообразом для подобных общин богатых, развитых и своеобразных» (7(2), 154).

Постоянной составляющей его публицистики 1880 г. становятся темы созидательного «стеснения» (7(2), 8)³, ограничения, «спасительного насилия» (7(2), 64; спасительного, «*когда за ним, за этим насилием, есть идея*», – 7(2), 65).

В статье «О всемирной любви» Леонтьев предупреждает о неотвратимости экономического и бытового переворота «по крайней мере, *для некоторой части человечества*» (VIII, 190)⁴ и о том, что новые порядки будут «несравненно стеснительнее наших, строже, принудительнее, даже *страшнее*» (там же). А еще через два года он уже хорошо представляет себе «путь организации и созидания» (8(1), 48) и считает своевременным для России «приступить к действиям созидующим, устрояющим, т.е. *ограничивающим* (не власть, конечно, а свободу!), – одним словом, *к организации, которая есть не что иное, как хронический деспотизм*, всеми, более или менее, волей и неволей, по любви и из страха, из выгод или из самоотвержения признаваемый и терпимый, в высшей степени *неравномерный и разнообразный деспотизм; постоянная и привычная*

¹ Ср.: 8(2), 77, со ссылкой на «Варшавский дневник».

² Библиографические подробности см. в комментарии: 7(2), 839. Автором фельетона, обратившего на себя внимание Леонтьева, был Арсений Иванович Введенский (1844–1909; подпись: А.В.).

³ Необходимое уточнение: «Государство держится не *одной свободой и одними стеснениями и строгостью*, а неуловимой пока еще для социальной науки *гармонией* между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой, той *реальной свободой лица*, которая возможна даже и в Китае, при существовании пытки...» (7(2), 132). Ср.: «Мир живет *организацией*, т.е. *удачной гармонией свободы и стеснения...*» (7(2), 200).

⁴ В «Варшавском дневнике» без курсива.

принудительность всего строя жизни, а не переходящие и неверные принуждения одной только администрации» (8(1), 56).

«Прогрессивно-охранительное направление» целиком сложилось у Леонтьева к 1880–1881 г., и своеобразным манифестом его стала предназначенная для правительственных кругов «Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге» (1881). Здесь в числе прочего затронута и тема социализма. Чтобы избежать новой пугачевщины и «неисчислимых ужасов анархии», считает Леонтьев, нужно решить рабочий вопрос и устроить социализм «в здоровой и безобидной форме новой и постепенной государственной организации» (8(1), 11). В романе «Одиссей Полихрониадес» приводились крылатые слова: «Кто-то из французов сказал: „Opposez-vous au mouvement, il vous écrase; mettez-vous à sa tête, vous le dominez“» (4, 396)¹. Такой примерно подход он предлагал применить к социализму².

20 сентября 1882 г. Леонтьев доверительно пишет Филиппову: «*Задняя мысль моя* та (говорю это Вам конфиденциально), что истинная революция по существу есть *либерализм, эмансипация во всех ее видах*, а социализм есть готовящийся отпор старой европейской революции, это есть глубокая вековая, организующая постепенно *реакция будущего* (и уже недалекого, XIX век кончается!).

Социализм скоро оставит свои инзуррекционные приемы и делается орудием новой корпоративной, *сословной, градативной*, не либеральной и не эгалитарной структуры государства. Он вынужден будет сочетаться с *сохранными консервативными историческими началами* так или иначе, видоизменяя их и видоизменяясь сам, и *либерализм, индивидуализм, меркантилизм и все тому сродное* будет раздавлено между *историческими остатками и передовым экономическим порывом*. Велико будет государство или племя, которое возьмет в руки это исполинское движение *нового феодализма*, и славен будет тот орган печати, который первый *даст* это хотя бы сначала в *намёках* почувствовать. А для того, чтобы говорить *все прямо*, для этого надо *взять Царьград*»³.

Но если до этого, в «Варшавском дневнике», он говорил, и правда, больше намеками, то очень скоро и *почти прямо* все это будет высказано в «Письмах о Восточных делах» (1882–1883)⁴, а потом и в статье «Владимир Соловьев против Данилевского», в незавершенном «Среднем европейце...» (8(1), 215; в поздних главах, написанных после прочтения Г. Спенсера⁵). В этой неоконченной книге

¹ Сопротивляйтесь движению – и оно вас раздавит; возглавьте его – и вы будете господствовать (фр.).

² Ср.: 8(1), 9, 50–51.

³ Пророки Византизма. С. 233–234.

⁴ Уже в первых двух письмах открыто говорится о деспотизме. Интересна правка (вставки в этих главах), сделанная в 1884 г., во время расцвета кружка «гептастилистов». Леонтьев так и продолжал бы раскрывать подробно «наше назначение», свой «идеал» (8(1), 56), да помешала «непредвиденная случайность» (8(1), 56): кн. Мещерский попросил защитить Филиппова от «острогжского попа», о. Димитрия Склобовского. В 1882 г. Леонтьев, объясняя тематический переход, написал: «...непредвиденная случайность вынудила меня <...> перейти внезапно...», а в 1884 г. вставил слова: «почти насильственно», получилось: «перейти почти насильственно и внезапно» (8(2), 318). Это показывает, как больно ему было отрываться от написанного 10–15 октября. А потом происходит новая «непредвиденная случайность»: нельзя было не откликнуться на смерть Гамбетты. Только к шестому письму автор стал «выплывать» к намеченной теме, но уже с углублением в политическую конкретику – характеристику «обстоятельств», которые могут быть выгодны для достижения нашей «исторической цели». Тем не менее в восьмом письме Леонтьев выходит опять и к теме «реакции будущего».

⁵ Спенсер опасается зависимости от общин и государства (ср.: 8(2), 39). Леонтьев все переиначивает. А о самом англичанине говорит: «Нет нужды, что сам Спенсер

есть упоминание «нового *социалистического феодализма*» (8(1), 216), который понимается как неравноправность, децентрализация, группировка социальных сил, закрепощение. Слегка касается (через Спенсера именно) он этой темы в статье «Плоды национальных движений на Православном Востоке» (8(1), 578). Начал разъяснять свою идею Леонтьев и в оставшейся незавершенной статье «„Московские Ведомости“ о двоевластии» (1890): «Социализм так или иначе *восторжествовать должен*. – Что он такое будет – сам этот социализм – орудие ли только всеобщей анархии или залогом и основой нового неравенства и деспотической организации – это еще загадка». Но скорее всего он «может переродиться на практике и принять организующее направление» (8(2), 10). «По выходе из анархии придется опять повиноваться, опять слушаться и нехотя; опять выносить нечто вроде нового рабства, нечто вроде нового деспотизма, быть может, даже нечто вроде новых сословий... Если эта организация будет снабжена достаточн<ою> властью, достаточн<ою> неравноправнос<тью>, – то она может держаться не век, а целые века, подобно феодализ<му>; – если эта власть и эта неравноправность будут слабо выражены, то и *эта форма* будет непрочна; ее господство будет считаться только годами, а не веками...» (8(2), 10).

В другой незавершенной статье 1890 г. («Культурный идеал и племенная политика») Леонтьев называет наделение крестьян землей «мерой *государственно-социалистической*» (8(2), 39, 47) и «вполне *национальной в культурн<ом> смысле*», обособляющей от «общезападных порядков» (8(2), 39). Это мера благая, охранительная – залог будущего государственно-экономического строя – «принудительно-общинного», «сословно-социалистического» (8(2), 47). Только в этом новом строе к земле должны быть «прикреплены» и дворяне.

В статье «Владимир Соловьев против Данилевского», в одной из глав которой упоминалось о прикреплении крестьян к земле как подобию «социалистического рабства, вместо лично феодального» (8(1), 331), Леонтьев собирался подробно писать «о чем-то вроде *охранительного социализма*», «о таком – экономическом и хозяйственном устройстве общества, при котором *земельный коммунизм и хозяйственный социализм рабочего класса* не только не был бы орудием анархии, а, напротив того, сопрягался бы и сочетался многообразно, прочно и благотворно и с Самодержавием, и с *тем* – что зовет г. Соловьев *национальной мистикой*» (8(2), 209; из чернового варианта одной из глав).

Особенно примечательно, что «охранительный социализм» Леонтьев усматривал и в концепции самого Вл. Соловьева, о чем и писал Губастову 5–7 июня 1889 г.: «...ограниченная только Церковью власть русского Царя, пекущегося о наилучшем материальном устройстве жизни (охранительный социализм)». Ниже в том же письме: «...идеал приблизительного хозяйственного улучшения <...> (социализм консервативный)»¹.

Социалистическое устройство, как его мыслит Леонтьев, не отменяет и «личной собственности», но она становится «неотчуждаемой» (ср.: 8(2), 211). «Собственность – неотчуждаемая и *лично-сословная*, – рядом с собственностью – *общинно-государственную* и тоже неотчуждае<мою>. – Такую теорию я считаю не мечтою, не „благочестивым желанием“ – но одним из таких необходимых условий нашего дальнейшего развития – без которого наша Россия – должна весьма *ненадолго* пережить Европу, эгалитарно тающую сверху и анархически (либерально) – взрываемую снизу» (8(2), 211). Позднее он собирался

либерал и ужасается этим зловещим, по его мнению, признакам; ужасайся – не ужасайся – а пророчество само по себе стоит внимания» (8(2), 209). Но он и до Спенсера (по времени *до него*, а не *до чтения* Спенсера) заговорил о коммунистическом насилии «всех над каждым» (7(1), 317), только тогда еще оценивал это по-другому.

¹ Леонтьев К.Н. Избранные письма / Публ., предисл. и примеч. Д.В. Соловьева; вступ. ст. С.Н. Носова. СПб., 1993. С. 465, 466.

«вернуться <...> к более подробному изложению <...> этих взглядов на аграрные, общинные и сословные отношения в России» (8(2), 212).

«Охранительный социализм» Леонтьев связывает с идеей уменьшения «чрезмерной подвижности» («...все то, что людей к чему-нибудь и к кому-нибудь прикрепляет, противоборствует прямо тому мелкому индивидуализму, той чрезмерной подвижности строя¹ <...> которой стали страдать и мы, русские, с 61-го года нашего столетия», – 8(2), 210) и, дополняя Данилевского, объясняет: Данилевский угадал роль славянства в разрешении экономического вопроса, но не угадал, что это «может быть не иначе куплено, как ценою *порабощения лиц* общинам сытым, богатым, сильным и *внутренно* (наподобие монастырей) весьма *неравноправно устроенным*» (8(2), 210).

Упоминание о монастырях (конечно, здесь подразумеваются кинонии, которыми, как мы помним, Леонтьев давно специально интересовался и в которых жилал и сам) очень важно. Это сравнение Леонтьев намеревался, но не успел развить в одной из глав книги «Средний европеец...». В главе о реальных силах заходит речь о трансформациях коммунизма, которые постепенно приведут «к новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы и *принудительным корпоративным группам, законами резко очерченным; вероятно, даже к новым формам личного рабства или закрепощения (хотя бы косвенного, иначе названного)*» (8(1), 213). В этом месте рукописи предполагалось примечание, лишь начатое словом: «**Монахи**». Далее говорится о том, что анархический коммунизм – это лишь «повод к новым государственным построениям *не либеральным и не уравнивательным*» (8(1), 214). Тут же следует рассуждение о неподвижности общины и начато примечание: «Афон и т. д.» (8(1), 214). Ниже приводится пример: рабочие села при монастырях. И далее снова сравнение: «вроде *мирских монастырей*» (8(1), 222).

Впервые же о подобной модели будущего² Леонтьев заговорил в статье «О всемирной любви». Если после переворота установятся «стеснительные» порядки, объяснял он, «жизнь этих *новых людей* должна быть гораздо тяжелее и болезненнее жизни хороших, добросовестных монахов в строгих монастырях, например, на Афоне». «А эта жизнь для знакомого с ней очень тяжела (хотя имеет, разумеется, и свои, совсем *особые* утешения. Постоянный тонкий страх, постоянное неумолимое давление совести, устава и воли начальствующих... Но у афонского киновиата есть одна твердая и ясная, утешительная мысль, есть спасительная нить, выводящая его из лабиринта ежеминутной тонкой борьбы: *загробное блаженство*».

Будет ли эта мысль утешительная для людей предполагаемых экономических общезжитий? Этого мы не знаем» (VIII, 190–191; привожу с исправлениями по «Варшавскому дневнику»).

Из множества историков и политологов, обращавшихся к теме «Леонтьев о социализме», кажется, только М.А. Емельянов-Лукияничков в своих статьях и в книге «Иерархия радуги» (М., 2008) обратил внимание на то, что Леонтьев скорее всего далеко не одобряет описываемый им порядок, а просто его в подробностях предсказывает. «Другое дело *верить в неизбежность движения* и, как говорится, *faire la part du siècle*³; другое дело *верить в государственную пользу* этого движения, потому только, что оно *гуманно* или представляется нам в идеале таковым» (8(1), 36). Эта формула применима к леонтьевским пророчествам о социализме.

¹ Ср.: 8(1), 102, 193.

² При этом вспоминаются определения, данные Леонтьевым общественному устройству Персии и Спарты: «религиозно-воинственное», «богомольно-казарменное» (8(1), 33).

³ Отдавать дань веку (фр.).

Еще одна константа леонтьевской «проповеди» – необходимость большего бытового своеобразия и преобладания «эстетики жизни» над «эстетикой отражений».

Леонтьев испытывал большой интерес ко всему «внешнему» (начиная с облика человека)¹. Он понимал, «что в *самых внешних* формах быта выражается дух народа и времени» (8(2), 219), что привычки, вкусы, моды – «все это вовсе не внешность одна, а неизбежное выражение глубочайших внутренних потребностей» (8(2), 16), а «*изменение внешних форм быта есть самый верный и могучий признак глубокого изменения в духе*» (7(2), 130). «Ничего нет просто внешнего и просто внутреннего <...>. Есть вещи более внешние и менее внешние... Одежда вообще не есть дело только внешнее; а теперь у нас перемена одежды была бы многозначительным симптомом...» (7(1), 57–58)². «Поверьте, это не пустяки – эта внешность; это очень важно! Эта внешность – есть выражение еще неясно понятого какого-нибудь внутреннего психического закона. <...> Не будет нового внешнего *стиля в жизни*, – значит, не будет уже никогда и *нового духа*...» (8(1), 632).

То, что Леонтьев стал наблюдать эти «психические законы» очень рано, подтверждается его враждой к «кепи». В 1862 г. в русской армии была введена новая военная форма по образцу французской («...Государство одевает войска в кепи...» – 6(1), 23). С наступлением нового царствования в 1881 г. эти французские головные уборы были упразднены из русской формы, но до этого Леонтьев, когда только мог, изливал свое негодование³, даже если речь шла уже не о русских солдатах, а, например, о греческих полководцах, руководителях Критского восстания: «Коронеос и Зимбраки в кепи (к сожалению)...» (7(1), 62).

Он объяснял позднее: «...*это очень важный символ!* <...> Прусская каска Николая I, символ монархии сословной, нам тогда разонравился, и безобразное кепи, наряд эгалитарного Кесаризма, нам стал больше по сердцу!» (8(1), 519). Леонтьев даже радовался, что русские войска не вошли в 1878 г. в Царьград в этом «наряде», и надеялся, что они займут город Св. Софии в любимой славянофилами «шапке-мурмолке»⁴.

Современная одежда представлялась писателю не просто уродством («...в дешевом сюртучище и уродливых штанах XIX века», – 8(2), 192), или, как А. Мюссе, «трауром» по «иллюзиям»⁵, но искажением образа Божия в человеке (8(2), 194). Не случайно один из его героев, паша в Превезе, назвал европейскую одежду обезьяньей (3, 256). С 1870 г. сам Леонтьев стал одеваться «по-русски везде, где только это позволяли стеснительные <...> приличия <его> казенной службы» (6(1), 515), «носил бархатную поддевку, высокие сапоги и шелковые рубашки разного цвета „навыпуск“» (6(1), 516); любил восточную (турецкую и греческую) одежду.

Прямыми предшественниками Леонтьева были А.С. Хомяков и К.С. Аксаков, наделе возвращавшиеся к народной одежде. Чрезвычайно близки ему взгляды

¹ «В молодых моих годах я ко внешности человеческой присматривался очень внимательно» (6(1), 355).

² Ср.: «...Считать одежду не важным и чисто внешним делом есть одно из самых больших заблуждений наших, ибо ничего внешнего без внутренних, духовных побудительных причин у человека не бывает...» (6(1), 515). Собственно, о том, что «одежда во все не пустяки», писал еще Белинский, а дополнял его – специфическими славянофильскими поправками – К.С. Аксаков. Правда, его статья «О современном литературном споре» (1847) стала известна только после публикации в «Руси» (1883. 1 апреля. № 7. С. 25–26).

³ Ср.: 7(2), 113.

⁴ См.: 8(1), 231.

⁵ Ср.: Мюссе А. де. Избранные произведения: В 2 т. М., 1957. Т. II. С. 11.

ды Данилевского на вред «европейничанья». Был и еще один, менее известный современному читателю, автор, разделявший те же воззрения. В.И. Кельсиев в статье «Русское село в Малой Азии», которая не прошла мимо внимания Леонтьева, писал о необходимости изучения и промышленного применения русского стиля. Рассказывая об одежде майноских старообрядцев, он замечал: «Рисунок шитья на этих рубахах сильно напомнил мне рисунок резьбы на наших бураках, на заставках старинных рукописей, а также детали Василия Блаженного. У нас, кажется мне, зарождался свой стиль, несколько похожий на мавританский и на индейский¹. Сравните шитые полотенца с точеными чашками, с резьбой на избах, с окладами икон и т.п., и вам станут ясны все особенности этих *русских арабесков* <...> неужели не найдется человека, который занялся бы изучением и разработкой русского *рисунка* и дал бы ему право гражданства в архитектуре, на ситцевых, шелковых, салфеточных фабриках, на фарфоровых и фаянсовых заводах, в мастерских ювелиров, в ремесленных училищах – везде, где есть нужда в чертеже?»².

За год до появления этой статьи Леонтьев внушал в «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии»: «...иные желали бы сбросить европейскую одежду и, возвратив царство парчи и одежд русского покроя и для армии, и для общества, поднять этим самым целую отрасль ремесленного творчества нации»³. У него были четкие представления о степени подлинности и качества этого национального творчества: «Нельзя назвать русской одеждой казацкие панталоны от того, что они немного пошире других или с каким-нибудь кантиком. А вот цветную рубашку *навывпуск* – можно назвать русской одеждой (8(1), 40).

Как мы увидим дальше, идея «перемены одежды» и «стиля жизни» в целом занимает немаловажное место в леонтьевском «седмистолбии», к более конкретному изложению которого перейдем в следующей главе.

Гептастилизм: «реальные пророчества будущей культуры»

«Мечты» и «пророчества» Леонтьева о «культурно-бытовом своеобразии» (8(1), 52) оформляются в стройное учение, которому, как мы уже знаем, он дал название гептастилизма, вероятнее всего, в 1882–1883 г.г., когда «одиноким мыслителем» обрел постоянных слушателей – в лице Вл.С. Соловьева, П.Е. Астафьева, наконец, небольшого кружка учеников.

Собственно, число «семь» берется Леонтьевым и ради хорошо опознаваемой цитаты из Книги Притчей (9: 1)⁴, и просто как священное (напоминающее о семи дарах Св. Духа, семи таинствах, семи Вселенских Соборах), как символ неколебимой полноты, законченности, а, в сущности, он свои «столпы» или «столбы» возводил на фундаменте «четырех основ» Данилевского, выявленных последним в культурно-исторических типах. «У Данилевского, – писал Леонтьев в 1888 г., – признаются в каждой особой культуре четыре основы, четыре столба: религиозная основа, государственная, экономическая и культурная в тесном смысле (наука, философия, искусство)» (8(1), 325). Полный,

¹ Этот «индейский» стиль храма Василия Блаженного чрезвычайно нравился и Леонтьеву. Можно было бы привести множество примеров, назову лишь один, менее всего заметный. Консул Благов в романе «Одиссей Полихрониадес» «привез с собой из России» альбом «черного дерева с восхитительным изображением одного древнего моговского, многоцветного и многоглавого храма» (4, 571).

² Русский вестник. 1866. № 6. С. 429–430.

³ Россия и българското национално-освободително движение. Т. 2. С. 209.

⁴ Она была известна даже людям некнижным, потому что ею начинается часто звучащая в храмах третья паремия на Богородичные праздники.

четырёхосновный тип, прежде не встречавшийся, Данилевский ожидал в будущем от России и славянства. (Леонтьев от славянства уже давно никаких чудес не ждет, да и в России сильно сомневается, но еще пытается намечать для нее пути к «пышному цветению», хотя бы и «последнему» перед всеобщим неизбежным «концом».)

Леонтьев то удваивает одну из основ (например, религиозную: в одном из новонайденных набросков говорится, например, и о Православной Церкви, и – особым пунктом – о мистических сектах, существование которых философ, как видно, признавал если не необходимым, то более терпимым, чем, например, протестантизм), то прибавляет пропущенные его предшественником (особенности политики, состояние аристократии).

В 1885 г., скорее всего после кончины Данилевского, последовавшей 7 ноября, Леонтьев задумывает статью о нем¹, а в письме к Филиппову, начало которого не сохранилось (по содержанию оно датируется концом декабря), признается: «Я хочу, до смерти хочу – написать хоть для рукописного распространения в высших кругах наших: мои *реальные* пророчества будущей культуры – „Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь“»². Книге «Россия и Европа» и учению о культурно-исторических типах было естественнее всего стать поводом для изложения заветных леонтьевских идей. Не случайно ведь немногим позже наиболее подробным и открытым «исповеданием» Леонтьевым своего «культурофильства» стала статья, защищавшая наследие Данилевского от критики Вл. Соловьева.

После смерти Леонтьева среди его бумаг была найдена рукопись, озаглавленная «О Данилевском»³, но ее местонахождение в настоящее время неизвестно. В 1886 г. Леонтьев обещал Страхову написать о нем и о Данилевском, а в ноябре 1887 г. готовил для цикла «Записки отшельника» статью «Гипотеза Данилевского и мои мечты»⁴. Это заглавие, сообщенное в письме к одному из учеников (Я.А. Денисову), а также указание в письме к Филиппову на 1885 г. позволяют связать замысел работы о Данилевском с заветным планом Леонтьева.

Приведу более развернутую цитату из письма к Филиппову от 26 марта 1888 г., сопровождавшего посылку первых восьми глав статьи «Владимир Соловьев против Данилевского». Из него наиболее очевидна связь незавершенной работы о Данилевском и книги «реальных пророчеств», призванной раскрыть учение о гептастилизме.

«По окончании возражений Соловьеву – думаю разбить на фельетоны тоже для „Гражданина“ прежде еще (в 85 году) начатую работу мою о *Данилевском* – то есть более подробное определение, что в нем верно и что надо видоизменить.

От<ец> Амвросий, когда я у него просил благословения на выбор следующей работы и перечислял предметы, сказал мне: „Пишите прежде то, что Вы называете *историческим* пророчеством об России“.

Вообразите, что я стал колебаться (по недоверию к себе ли, или по недоверию к *справедливой* оценке других – не знаю) – и вдруг эта статья Вл. Соловьева неожиданно навела меня внешним толчком именно на тот труд, на который и старец указывал.

¹ Об этом замысле, его датировке и основном содержании мы узнаем из позднейшего, от 26 марта 1888 г., письма к Филиппову, где Леонтьев упоминает «прежде еще (в 85 году) начатую работу <...> о *Данилевском*» (Пророки Византизма. С. 495). Весь фрагмент об этом замысле см. ниже.

² Там же. С. 305.

³ Упомянута в «Описи бумаг и сочинений К.Н. Леонтьева» под № 9 (Там же. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 6).

⁴ См.: 8(2), 1023.

„Внутренние чудеса!“, как говорил Хомяков»¹.

Но и в ноябре 1887-го, и весной 1888 г. «недоверие к себе» и «колебания» все-таки перевесили решимость автора заняться давно отложенным делом², а в дальнейшем Леонтьев пришел к убеждению, что для «исторических пророчеств» еще не пришло время. 3 сентября 1889 г. он доверительно сообщал Филиппову:

«Об организации Восточно-Церк<овного> Единства³ – теперь еще не годится слишком ясно писать. – Я и жду. – А так как война, конечно, с часу на час близится и *не возгореться* – и *не может даже*: – то, если буду жив в ту минуту, когда Турция так или иначе, за нас (?!) или против нас (что в 1000 раз вернее) – будет в нее вовлечена, то я тотчас же составлю об этом секретную Записку, которую через Вас и представлю Государю Императору. – *А печатать ясно* – это значит – предпочитать свое литературное тщеславие – священному и великому делу»⁴.

Выходит, «ясно» все осталось записанным только в рукописях, кое-как сохранных учениками, да разве что еще в проекте «новой большой газеты» (1881)? Это не совсем так. Леонтьев говорил, что его учение «в концентрированном виде» сообщалось московским ученикам, а в книгах «по обстоятельствам <...> там и сям разбросано»⁵. Значит, основные положения этого учения можно при желании собрать, что каждый раз (по-своему и в разной степени подробности) и делали исследователи, начиная с А.В. Королева, автора статьи о «культурно-исторических воззрениях» Леонтьева в сборнике его памяти, 1911 г. Но обычно они не связывали свои разыскания прямо с вопросом о тематическом наполнении понятия «гептастилизм» (исключение – исследование Р.А. Гоголева). М.А. Емельянов-Лукияничков насчитал в леонтьевской «радуге» не семь, а пять цветов.

Можно было бы сказать, что число «семь» в гептастилизме условно, не нужно подгонять под него количество пунктов программы, но при внимательном чтении Леонтьева неожиданно отыскивается именно это число – в одном из хорошо известных и часто цитируемых фрагментов статьи «Письма о Восточных делах»:

«...Под словом *культура* я понимаю вовсе не *какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость* и т.п., а лишь *цивилизацию свою* по источнику, мировую по преемственности и влиянию. Под словом *мировая культура* я разумею: *целую свою собственную систему отвлеченных идей религиозных, политических, юридических, философских, бытовых, художественных и экономических...*» (8(1), 50)⁶.

Вот этим «отвлеченным идеям» и соответствуют «столпы» леонтьевской программы «нового созидания» (8(1), 38) – «от религии до мод и вкусов» (8(1), 52; вставка 1884 г.). В одной из записок, излагающих учение «в концентрированном виде» и озаглавленной «7 столбов новой культуры», нет прямых указаний:

¹ Пророки Византизма. С. 495.

² Денисову Леонтьев писал 8 ноября 1887 г.: «...чувствую, что все хожу вокруг да около *главного* — и все не решаюсь еще выставить прямо *свои 7 столпов*... Покажу один немного и смолкну! Сам я не знаю, почему это? Разумеется – не от умственной робости, которой, слава Богу, не страдаю, а вернее от желания выразить как можно яснее и убедительнее дорогую мысль» (Два письма К.Н. Леонтьева // Мирный труд. 1905. № 2. С. 212).

³ Один из пунктов «гептастилистической» программы Леонтьева.

⁴ Пророки Византизма. С. 560.

⁵ «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель. Переписка. Статьи. Воспоминания / Изд. подгот. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012 (Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Приложение. Кн. I). С. 91.

⁶ В «Византизме и Славянстве» перечислено лишь пять «частных идей», входящих в «общую», «отвлеченную»: религиозные, государственные, нравственные, философские, художественные (7(1), 300). И ниже в той же книге – пять «отвлеченных идей»: «религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных» (7(1), 433).

«религиозные идеи», «политические» и проч., но пункты программы, как станет видно из приведенных в Приложении текстов, легко соотносятся и с «основами» Данилевского, и с «отвлеченными идеями», перечисленными Леонтьевым. В письме же к Фуделю от 6–23 июля 1888 г. слова, начинающие каждый пункт, воспринимаются как заголовки, но Леонтьев передумал и остановился, не доведя перечень до конца:

«1) Государство должно быть *пестро, сложно, крепко-сословно* и с осторожностью подвижно. – Вообще *сурово*, иногда и до свирепости.

2) Церковь должна быть *независимее* нынешнего. – Иерархия должна быть *смелее, властнее, сосредоточеннее*. – Церковь должна смягчать Государственность; а не наоборот.

3) *Быт* должен быть поэтичен, *разнообразен в национальном*, обособленном от Запада, *единстве*. – Или совсем, напр<имер>, не танцовать, а молиться Богу; – а если танцовать – то *по-своему, выдумать или развить* народное до изящной утонченности... и т.п.

4) *Законы*, принципы власти должны быть *строги*; *люди* – должны стараться быть лично *добрее*; – одно уравнивает другое.

5) Наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе»¹.

Не упомянутыми оказались художественная и экономическая основы. <...>

Из Приложения. Новообретенные тексты Леонтьева

<О культурном своеобразии и пределах развития науки>

...два своеобразные начала: Самодержавие и поземельную общину, – которых союз и процветание может еще составить духовное величие и действительное своеобразие будущей России. – Что же останется в этой России *особенного, любопытного, поразительного*, такого, которое могло и открыть новые пути самой жизни, и доставить занимательную и новую пищу науке? – Дворянство наше и теперь, утратив все права свои, <как> две капли воды похоже на образованную Западную буржуазию; – купеческие дети посредством университетов, безверия, одинаково и посредством невежественного тщеславия, и посредством действительной образованности стремятся войти в тот же поток; они будут делаться нигилистами или катковистами (это все равно для нашего вопроса, как ни велика разница в другом отношении), во всяком случае они уже не будут теми богатыми, набожными, иногда крайне порочными, но всегда своеобразными купцами-мужиками, которых мы видим в комедиях Островского (и которых, несмотря на все пороки их, любим от души!). –

Семинаристы и вообще дети белого духовенства, чиновники, учителя, доктора, литераторы давно уже составляют в высшей степени буржуазный контингент нашего общества. – С распушением касты духовной это будет еще заметнее. –

Уничтожьте при этом закон о неотчуждаемости крестьянского участка, посягните глубоко на Круговую поруку; и с другой <стороны> ограничьте свободу Верховной власти, обратите Помазанника и Самодержца во Всероссийского Обер-Полицмейстера, состоящего на жаловании у Законодательного Собрания, в коем царствуют г.г. Лохвицкий, Краевский,.... быть может, и Нечаев... Что останется от России? – Пусть мне докажут, что Россия не будет тогда простым переводом с одного из Западных языков. –

¹ Преемство от отцов. С. 92.

Что же в ней будет *особенного* достойного гениального [ума]? исследован- ний? Много земли. – Вот и у Соединенных Штатов много земли; – но что же в них особенно занимательного, такого, чтобы озарить человечество новым светом – как могли озарить древний Греко-Римский мир или прежняя Европа? – пока они не были исследованы?

Соединенные Штаты в своем своеобразии относятся к Англии в *про- странстве* так же, как Франция Наполеона 1-го могла во *времени* относиться ко Франции Лудовика XIV-го. – Они демократизированная Англия; – «Тех же щей – да пожиже влей». –

Никто не отозвался о С<оединенных> Шт<атах> лучше Прудона в *La guerre et la Paix*. –

Конечно – если бы гениальный европеец мог пожить долго *внутренней* жизнью Китая или Сиама, не тоскуя там по трактирам, библиотекам и теле- графам – то он в этих странах нашел бы больше жизни для высоких и новых взглядов, чем в Америке, чем в Северной Америке или в России совсем [*окат- ковленной*]. –

Итак, и *социологии* должен быть положен предел, как самым совершен- ством ее, так и разлитьем европеизма (однообразием), (разумеется – если предположить, что никакие неожиданные препоны не *обратят вспять* и евро- пеизм этот, и обещанный им экономический и психологический земной рай и внезапный удар не остановит триумфального шествия научной колесницы, на которой так вдохновенно несутся некрасивые люди в очках и фраках...)

О Психологии можно и не говорить – как сказано об антропологии и со- циологии. – С упрощением *житейского зрелища* и она станет беднее содержа- нием – причем и совершенства достигнуть ей будет легче; – простейшее легче изучать и описывать. –

Итак, какой же общий вывод из всего этого? – Вывод тот, что наука, (по крайней мере в том виде, в каком мы знаем ее теперь) – вовсе не бесконеч- на. – Бесконечности ее полагается предел, во-1-х, самим совершенством той или другой науки; во-2-х, обеднением содержания, достойного внимания науки и, в-3-х, неожиданными историческими катастрофами вроде того, как торже- ство германцов и Христианства приостановило развитие Греко-Римской нау- ки. – Об этом 3-м пределе мы еще не говорили, и большинство прогрессистов думает, что этого рода катастрофа в наше время немыслима. – Прежде чем рас- сматривать, так ли это немыслимо, как кажется людям, *верующим* в положи- тельные науки, мы еще раз возвратимся к прежнему и, заглянув в самую глубь, в самые недра науки, посмотрим, не кроет ли она в этих собственных недрах каких-нибудь самоубийственных принципов, т.е. таких принципов, вследствие осуществления которых наука возложит сама на себя руки, без помощи каких бы то ни было посторонних и варварских сил. –

Я думаю, никто отвергать не будет, что Гегель и Прудон правы, раскры- вая – каким образом каждое явление носит в собственных недрах своих свою собственную *антитезу*, разрушающую ее для высшего Синтеза. – Эта часть их учения, мне кажется, настолько же нерушима, как и история движущих и чувствующих ячеек, как качание маятника и как присутствие в европей- ских обществах реальных сил землевладения, капитала и труда? – Что от- дельные науки (и еще в разных смыслах) носят в ходе развития бесконечное повторен<ие> антитез, это известно. – Напр<имер>, всякий бы сказал, что медицина прекрасно бы сделала, если бы уничтожила сама себя, т.е. сде- лалась бы простой, предупреждающей гигиеной. – Ибо пышность развития современной патологической науки покупается слишком дорогой ценой для человечества. –

И потому одно из двух: или, приближаясь к своему идеалу – медицина должна обеднеть и даже умертвить себя; или жизнь должна быть многострадальна и тяжела, чтобы дать <медицине> возможность развиваться постоянно и пышно. – (^{NB} Т.е. развитие одной из положительных наук прямо противоположно развитию благоденствия.)

Зоология, чтобы быть интересна, чтобы, не ограничиваясь *сухим* хозяйственным творчеством новых пород рогатого скота и кур, *охранять* хоть сколько-нибудь *поэтическую и наивную* часть животного мира (т.е. диких животных), должна, с одной стороны, принять диктаторские меры и стеснить: охоту, китовые промыслы, торговлю слоновой костью и т.п. (опять препятствия, если не благоденствию, то хоть удовольствию; и даже промыслам, питающим целые семьи); а с другой, должна с улыбкой смотреть на то, как голодные волки будут зимой опустошать стада, как каждый год столько-то сотен индусов или китайцев будут похищаемы тиграми и т.д.

Если *идеальная* анатомия и физиология *здорового* человека уже почти неподвижны, то зато патологическая анатомия и физиология должны желать развития *разнообразных и новых страданий*, чтобы дать простор научному таланту. –

И т.д.

< Фрагменты, не вошедшие в VIII главу «Писем о Восточных делах» >

<1>

Слово *революция* надо понимать с этой точки зрения не в тесном смысле восстания, бунта, или междуусобной войны. – *Мирное* движение христиан было великой революцией, т.е. одним из глубочайших переворотов для всего древнего мира; это движение только *завершилось* одним из тех междуусобных столкновений, которое было так свойственно военно-избирательному характеру Римского Кесаризма, т.е. битвами Константина с Максентием и Лицинием; и в течение 4-х веков никаких бунтов и войн не производило, однако все старое разрушило, между тем как восстания иудеев против римлян, или поляков против России ничего в этом прямом смысле революционного в себе не имели; а, напротив того, были скорее реакционного или местно-охранительного характера. – Это простое различие уже из того очень ясно, что революция может быть по приемам и по источнику вполне *легальна*, т.е. совершена (по ошибке или преднамеренно) самим Правительством, а бунты или междуусобия законными никогда не признаются и не признавались. – Когда думаешь о нашем времени и сравниваешь его с последними веками Римской Империи, то чувствуешь, что движение эгалитарного либерализма вовсе не движение Христианства не похоже. – Оно не похоже по многим причинам, которые я здесь перечислять не имею времени и места; но в особенности потому, что самые основные правила Христианства носили в себе залогом строжайшей земной общественной и государственной дисциплины; говоря, например, «Царство мое не от мира сего», Христос этим самым равнодушным отношением к земной политике, *давал этой политике полную свободу устраивать* государство, дисциплинировать общество как угодно; ибо Ему нужна была внутренняя свобода духа, а не внешняя свобода общественного положения, и раб, прикованный цепями, в Евангельском смысле, мог быть свободнее по бессмертному духу, *по выбору веры*, по жизни *совести*, чем сам всевластный Кесарь. –

Пользуясь этим полным разрешением Учителя, ученики Христа уже прямо высказали *требование повиноваться* Кесарю и представителям его власти; Епископам и Священникам, отцам, мужьям, даже Господам – домохозяевам. –

Апостолы сразу установили на целые века все те власти Церковные, гражданские, семейные и даже хозяйственные, которыми столько веков держалось общество. – Эмансипационное движение, начавшееся в XVIII <веке> и продолжающееся и теперь есть поэтому: во-1-х, движение *против основ христианских*, т.е. *специально антихристианское* движение, несмотря на всю видимую гуманность свою; а во-2-х, оно есть вообще движение разрушительное, никакой еще новой духовной дисциплины взамен разрушаемой не представляющее. – Поэтому либерально-эгалитарное движение нашего века похоже больше на то либерально-демократическое расстройство, которое в Риме предшествовало Христианству, или сопровождало его первое зарождение, чем на то время, когда дисциплинирующие силы Христианства стали придавать обществу более и более ясные и совершенно новые *формы, стесняющие личность* и этими самыми стеснениями определявшие особенности ее нового развития. – Теперь мы никаких этих ясных и новых форм новой дисциплины не видим. – Мы видим только везде *послабления* личности и, вместе с тем, *расслабление* ее, и если есть где в обществах и в людях дисциплина, то это все благодаря реакции сохранившегося прежнего, а не благодаря зарождению чего-то нового. – Пожалуй – у нигилистов, в их собственной среде, есть строгая дисциплина; есть страх, есть вера, идеал, единокорие и самоотвержение; но этот страх только плотской, а не духовный, не мистический (убьют или изуродуют, если изменишь); но эта вера есть вера в равенство и благоденствие, т.е. в *нечто несравненно более немислимое, чем загробное спасение невидимой души*. –

<2>

<Зачеркнутый фрагмент>

И казнить жестоко и беспощадно хотя бы и наших нигилистов или Луизу Мишель – надо не столько *за то, что они социалисты* (и Монах Афонский, и русский мужик общинник – социалисты в хорошем смысле), а за то, что они ультралибералы, за то, что они либералы *насильственные снизу*, атеисты, республиканцы; за то, что они анархисты сознательные и явные. – Такое теоретическое различие очень важно

<О новой культуре>

NB

Эта новая культура должна неизбежно, мне кажется:

1.) Отказаться от гражданского равенства и даже от той степени личной свободы, которой достигло европейское человечество в XIX веке, т.е. в эпоху разложения Романо-Германской цивилизации; она должна создать новые словесные корпоративные и провинциальные неравенства. –

2.) Развенчать с глубочайшим презрением и фанатической ненавистью утилитаризм и эвдемонизм положительной науки и таким образом, охладивши к ней оцепеневшее в мелкой практичности человечество, дать снова простор мистическим верованиям и эстетическому творчеству (не только в *отражениях искусства*, но и в самой действительности). –

3.) Ослабить чрезмерную подвижность, свободу и отчуждаемость собственности, ограничить власть подвижного капитала (денег) и в той или другой *вовсе не либеральной* и *вовсе не эгалитарной* форме дать разгадку и некоторое (далеко не восхитительное, но все-таки сносное) удовлетворение тому непонятому до сих пор движению, которое зовут обыкновенно со страхом и «отвращением» «социализмом» или «коммунизмом» и которое в сущности есть не что иное, как *маскированная, неузнанная и сама себя еще не понявшая глубокая и коренная реакция противу гражданского индивидуализма* (т.е. противу равен-

ства и свободы) *на экономической почве*. – Надо полагать, что эти новые формы экономических отношений будут *очень сложны, очень разнообразны* в сочетаниях своих и представят примеры всякого рода стеснений, обязанностей и даже своего рода узаконенного рабства, начиная от неотчуждаемости определенного *максимума* недвижимости (майораты или минораты) до неотчуждаемости *минимума* личной или общинной собственности; от стеснений и неравенства вроде монастырского до стеснений и неравенства целыми сословиями вроде Спартанских или старо-феодальных. – *Социализм есть не понятый самими социалистами феодализм будущего*. – Анархия он теперь только потому, что его назначение еще не понято; бунт он потому, что им занимаются теперь гуманные фразеры, завистливые, озлобленные мерзавцы и голодные, тщеславные, не знающие куда деть свою потребность действия молокососы. – Если бы вся эта сволочь, вполне достойная чего-нибудь худшего виселицы, знала заранее, какая пестрая, разнородная, стеснительная, *субъективно для многих крайне тяжелая, но объективно укрепшая* и более, так сказать, «красивая»* действительность мало будет похожа на их серый и плоский идеал всеобщего равенства и мелкого благополучия, – то они, конечно, тотчас же отказались бы от своих разрушительных предприятий!..

4.) *Сосредоточить слишком федеративное до сих пор Православие* и таким образом придать ему то, чего ему до сих пор недоставало по сравнению с Католичеством, – внешнюю силу и большую независимость как от светской власти, так и от непостоянства интеллигентной демагогии. – Ибо сила Католичества не в *ложном догмате*, а в *правильном (независимом) устройстве Церковной администрации*. – Имея уже правильный догмат, необычайно-прекрасный обряд и более чистые предания, Православие подчинило бы себе, вероятно, все Христианство если бы оно приобрело то, чего ему до сих пор недоставало, – силу независимой, хотя бы и не единоличной, а Синодальной, так сказать, Централизации. – Для этой небывалой централизации нужен *новый центр* и древние предания. –

Центр этот, конечно, и есть тот Царьград, к которому влечет нас даже и против воли нашей поток Истории. –

Денисову. 7 столбов новой культуры

Итак: великие *столпы*, на которых должно утверждаться [новое пышное] здание Славяно-Восточной новой культуры, следующие,

I. – *Сосредоточенное в Царьграде Православие*. – (Возвеличение Вселенского Патриарха, избираемого всеми национальными церквями, – и т.д.)

II. – Принудительная организация собственности и труда. – (Minimum неотчуждае<мой> собственности и maximum ее же. – Господство личных майоратов и богатых общин; – запрещение пролетариата; – вообще приостановка излишней *подвижности* экономической жизни, т.е. *ограничение личной свободы* и организация нового и прочного *юридического неравенства*; другими словами: – отнятие экономического движения из рук разрушителей...)

III. – *Пессимизм в науке* (отвержение демократич<еского> прогресса; уничтожение *религии самодовлеющего*, утилитарного человечества. – Проповедь – светоразрушения и его вовсе не так уж отдаленной неизбежности. – Враждебность – физико-химическим изобретениям и всеобщей грамотности. – *Разрушение машин* и т.д.)

IV. – *Великий Восточный Союз* (Россия во главе; – Царьград центр; – сла-

* Хотя бы и в трагическ<ом> и пластическ<ом> отнош<ениях>.

вяне; греки; румыны; мадьяры; турки; персияне; индусы...): систематическое объединение против Западно-Европейских и Американских Государств (противу разлагающейся Романо-Германской Государственности). – Таможенные и т.п. ограничения.

V. – *Новая привилегированная аристократия*. – Размножение благословенного Царствующего рода Романовых: – народ привык за него молиться в храмах; – прекратить браки с немецкими принцессами* было бы невыгодно потому – что германская *кровь очень государственна* – но можно восстановить и браки с русскими дворянками (или даже ввести и браки с девицами различных союзных племен). Брать – даже можно русскую или греческую крестьянку или полу-дикую жительницу Индии и Кавказа, *если она породиста и сильна*. – Обращать при этом внимание на *атавизм* и его выгоды.

VI. – *Отношение к сектам и др. верам*. – Предпочитать вообще *Веры и Секты мистико-пластические* (скопцы, мормоны, – Хлысты, Мусульмане, и т.д.) религиям и сектам *разрушительно-рационалистическим* (Лютеране, Молоканы, Редстокисты и т.д. ...)

VII. – *Эстетический аскетизм*; – перемена одежды и обычаев, новые пляски... Предпочтение стеснительной и упражняющей *роскоши*, рациональному и все-распускающему *комфарту*. –

* * *

О Самодержавии я не упомянул, ибо оно есть *conditio sine qua non*, – это ось всего движения, рычаг, – *срединный столп*; – оно-то – и называется у меня той Премудростью научно-сознательной или практическ<ой> полу-сознательной, – которая должна постепенным ходом дел – создать себе тот *дом*, тот *культурный храм*, который будет утвержден на этих 7 столпах, и я хочу надеяться на целый нормальный государственный период, т.е. на 1000 или 1200 лет. – Больше нельзя: – и то, вероятно, много. – Дело не в вечности, – а в *великом следе*. –

* Разумеется – надо по-прежнему обращать их в *Православие*.